

DOI: 10.46698/VNC.2024.96.40.001

Алексей Людвигович Чибиров

кандидат исторических наук,
директор ВНЦ РАН (363110, РСО-Алания,
с. Михайловское, улица Вильямса, 1)
E-mail: chibiroff@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5821-8246>

АРХЕОЛОГ*(памяти В. А. Кузнецова)*

Аннотация. Статья является анонсом последней работы видного российского ученого-археолога В. А. Кузнецова, скончавшегося в 2024 г. Статья под названием «Ретроспектива Донской Алании в свете сведений венецианца Иосафата Барбаро. Краткий исторический очерк» была представлена им в редакцию журнала «Нартамонгæ» незадолго до его кончины. Уже в ходе работы над рукописью ответственный редактор журнала Борис Мысыккаты обработал ее, дополнив приложением, которое существенно обогатило текст В. А. Кузнецова. Помимо этого, в статье представлен автобиографический очерк ученого, написанный им незадолго до смерти, который также будет интересен всем исследователям научного наследия В. А. Кузнецова.

Ключевые слова: Кузнецов, Иосафат Барбаро, Алания, археология

Для цитирования: Чибиров А. Л. Археолог (памяти В. А. Кузнецова). NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX. С. 7–75.

Рукопись поступила в редакцию 20.11.2024

Рукопись принята к печати 10.12.2024

Alexey Lyudvigovich Chibirov

PhD, Director of VSC RAS
(363110, Republic of North Ossetia-Alania,
village Mikhailovskoye, Williams Street, 1)
E-mail: chibiroff@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5821-8246>

THE ARCHAEOLOGIST*(in memory of V. A. Kuznetsov)*

Abstract. The article is an announcement of the last work of the prominent Russian scientist and archaeologist V.A. Kuznetsov, who died in 2024. The article entitled “A Retrospective

of Don Alania in Light of Information from the Venetian Josaphat Barbaro. A Brief Historical Essay” was submitted by him to the editorial board of the journal “Nartamongæ” shortly before his death. Already during the work on the manuscript, the editor-in-chief of the journal Boris Mysykkaty processed it, supplementing it with an appendix, which significantly enriched the text of V.A. Kuznetsov. In addition, the article presents an autobiographical essay of the scientist, written by him shortly before his death, which will also be of interest to all researchers of the scientific heritage of V.A. Kuznetsov.

Keywords: Kuznetsov, Josaphat Barbaro, Alania, archeology

For citation: Chibirov A. L. Archaeologist (in memory of V. A. Kuznetsov). NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX . P. 7–75

Received on 20.11.2024

Accepted on 10.12.2024

Согласно сложившейся традиции последних семи лет каждый выпуск журнала Нартамонгæ посвящается тому или иному ученому, внесшему вклад в исследование всех аспектов иранистики, начиная от истории, археологии, и заканчивая языкознанием и мифологией. Как правило, поводом для этого служит юбилейная дата. Но порой традиция начинается с печального повода. Так, первый том обновленного выпуска Нартамонгæ, изданного в 2017 г. мы посвятили памяти первого главного соредактора издания, известного французского слависта Франсуа Корнийо (1938–2011). Статья его коллеги, литературоведа, профессора Парижского университета г-на Рене Герра [Герра, 2017: 7–16], стала событием, существенно повлиявшим на дальнейшую деятельность Нартамонгæ — после долгого перерыва перспективы журнала, представленного в обновленном формате, вновь стали понятны и привлекательны для российских и зарубежных авторов. Два года назад, в 2022 г. мне пришлось писать мемориальную статью уже в память скончавшегося видного ученого-алановеда, члена Международного научного совета журнала Нартамонгæ, профессора Ю. С. Гаглойти [Чибиров, 2022: 7–9]. Здесь же была опубликована его последняя работа для журнала «Скифская Чаша Героев, нартская Уацамонгæ-Нартамонгæ и осетинский Нузæн» [Гаглойти, 2022:10–24]. К сожалению, и на этот раз мы вынуждены вносить печальную корректировку в том...

5 мая 2024 г. на девяносто седьмом году жизни не стало нашего старшего товарища, коллеги, члена Международного научного совета журнала Нартамонгæ, доктора исторических наук Владимира Александровича Кузнецова (1927–2024), видного советского-российского ученого-археолога, посвятившего всю свою жизнь изучению средневековой истории Северного Кавказа, в частности истории аланов. Масштаб любой потери, как правило, невозможно осознать сразу. Осознание приходит позже, когда

В. А. Кузнецов

Мои пути в науке. Авторский очерк

Парадоксальность ситуации, обозначенной в заглавии этой статьи, состоит в необходимости анализировать и ясно, без амбициозного самолюбования и каких-то претензий, было выполнено мной самим. Наверное, это не так-то просто — признавать публично свои недостатки (а кого их нет?), но без подобного философского осмысления и самоанализа трудно достичь главной — реализации формирования утешно-гуманитария как активного соучастника формирования нового человека XXI и последующих веков, вооруженного иной идеологией и иной системой жизненных ценностей, то господствовали в мире тысячи лет. Профессиональный историк обязан быть гуманитарием и прежде всего задаться о человеке и его культуре не только материальной (экономика), но и духовной (социальная справедливость и толерантность экономически и социально гармоничное, процветающее общество может создать только человек новой формации). Историк — профессионал, зная о своем опыте и преимущественной мировой истории, изживших в ней факты непрерывных войн, насилия, алчности, безверия и существования до наших дней средневекового принципа „сила рождает право, а господином является меч“ (совр. ракетно-ядерное оружие), историк в такой ситуации должен быть в рядах тех, кто способен влиять на общественные сознание, психологию цивилизационную и этносоциологию, психологию и культуру отдельного человека — кто формирует интеллектуальную элиту общества, ответственную за историческую судьбу своего народа и государства.

Запомню ли я, проживший около 100 лет и записавшийся именно профессиональный историк-археолог, это признание, несмотря на ошибки и заблуждения, верны ли мои представления, полезен ли мой труд и опыт для мониторинга отношений не только к державам но к небольшим этносам и их истории и культуре? Это для меня — главный итог жизни. Мой опыт может быть полезен.

возникает потребность в общении, совете, мудрости. Затем наступает этап принятия и смирения. Понимание того, что единственное, что нам остается — это сохранение памяти, подведение итогов совместного сотрудничества. Краткого, так как наиболее плодотворно мы общались с Владимиром Александровичем последние семь лет его жизни. Тогда, в 2017 г., я показал ему только вышедший том журнала, и пригласил его в научный совет Нартамонгæ. Он оценил, моментально откликнулся, и практически сразу же активно вписался в деятельность издания. Первый материал, который вышел за авторством В. А. Кузнецова в томе за 2019 г., назывался «Нижний Архыз в Нью Йорке» — полудетективная история о том, как удивительные артефакты Нижне-Архызского аланского городища (X–XII вв.) в девяностых годах прошлого столетия оказались в Нью-Йоркском музее Метрополитен. Артефакты представляли собой образцы текстиля и элементы одежды средневековых аланов — реликвии, ценность которых для науки за блеском древних золотых изделий удастся разглядеть не каждому [Кузнецов, 2019:117–134]. Затем были такие его работы, как «Заметки к истории христианства в Алании» [Кузнецов, 2020:266–290], «Нижний Архыз и Северный храм — кафедральный собор Аланской епархии» [Кузнецов, 2021:7–41] и «Волшебный клей «бурамаз» и миграция ранних алан на Центральное Предкавказье» [Кузнецов, 2022:290–296]. Каждая из его статей находила отклик у интересантов.

Научное наследие В. А. Кузнецова бесценно. Его статьи и монографии, написанные, в том числе в соавторстве с известным французским ученым Я. Лебединским, являются золотым фондом алановедения. При этом архив Владимира Александровича не описан и систематизирован: это работа, которая предстоит хранителям его наследия, его ученикам, последователям. В свою очередь я предложил внучке Владимира Александровича Дарье передать архив в СОИГСИ — одно из крупнейших хранилищ исторических документов на Северном Кавказе, где специалисты смогли бы провести соответствующую работу, на что получил положительный ответ. В любом случае решение остается за членами его семьи.

Почтить память мэтра на страницах Нартамонгæ мы решили следующим образом. Незадолго до кончины Владимира Александровича мы обсуждали с ним возможность публикации его статьи «Ретроспектива Донской Алании в свете сведений венецианца Иосафата Барбаро. Краткий исторический очерк». Черновик статьи, над которой В. А. Кузнецов хотел бы еще поработать, был у меня. Статья была не завершена — Владимир Александрович показал мне ее для согласования темы. Впоследствии состояние здоровья не позволило ему продолжить работу над материалом, и я предложил завершить ее нашему коллеге Б. Мысыккаты, после чего мы в

память об Археологе, посчитали необходимым опубликовать эту работу. Несомненной заслугой Б. Мысыккаты является то, что при работе над текстом он максимально сохранил стилистику автора, стараясь при этом не препарировать его радикально, так, чтобы почерк В. А. Кузнецова оставался узнаваемым. Более того, Б. Мысыккаты качественно дополнил ее, придав материалу завершённый вид. Приложение к статье В. А. Кузнецова за авторством Бориса «Сведения Иосафата Барбаро об Алании и аланах», несомненно, украсившее текст, также опубликовано в текущем томе.

Я намеренно не привожу здесь биографические данные В. А. Кузнецова, основные вехи его жизни, так как он это сделал сам, без моего участия. Так, небезынтересным для исследователей творческого пути В. А. Кузнецова, его становления как ученого-археолога, мне показался материал, представленный редакции журнала *Нартамонгæ* Дарьей, в котором Владимир Александрович рассказывает о себе. Вся жизнь ученого уместилась в двух десятках страниц «профессорского» почерка В. А. Кузнецова. В этом небольшом очерке Археолог раскрывается перед нами с обратной стороны, рассказывая о себе, представ при этом пред глазами в обстановке, которая сохранилась в памяти со времен нашей последней встречи: кабинет в небольшой квартире, книги которые не умещаются в шкафах на всю стену, маленький письменный стол, лампа, и Археолог в кресле, склонивший чуть набок голову, рассказывает о своей последней научной идее: истории армянского просветителя, историка и философа VII в. Анания Ширакаци, который по его гипотезе происходил из сираков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ренэ Герра. Франсуа Корнийо — знаковая фигура французской славистики / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2017. Vol. XII, № 1, 2. С. 7–16.
2. Чибиров А. Л. Недописанный абзац. Памяти Ю. С. Гаглойти / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2022. Vol. XVII, № 1, 2. С. 7–9.
3. Гаглоиты Ю. С. Скифская Чаша героев, нартская Уацамонгæ — Нартамонгæ и осетинский нуазæн / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2022. Vol. XVII, № 1, 2. С. 10–24.
4. Кузнецов В. А. Нижний Архыз в Нью-Йорке / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2019. Vol. XIV, № 1, 2. С. 117–134.
5. Кузнецов В. А. Заметки к истории христианства в Алании / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2020. Vol. XV, № 1, 2. С. 266–290.
6. Кузнецов В. А. Нижний Архыз и Северный храм — кафедральный собор Аланской епархии / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2021. Vol. XVI, № 1, 2. С. 7–41.
7. Кузнецов В. А. Волшебный клей «бурамаз» и миграция ранних алан на Центральное Предкавказье / *Nartamongæ*. Владикавказ, 2022. Vol. XVII, № 1, 2. С. 290–296.

МОИ ПУТИ В НАУКЕ. АВТОРСКИЙ ОЧЕРК

Парадоксальность ситуации, обозначенной в заглавии этой статьи, состоит в необходимости анализировать и честно, без амбициозного самолюбования и каких-то претензий, было выполнено мной самим. Наверное это не так просто — признавать публично свои недостатки (а у кого их нет?), но без подобного философского осмысления и самоанализа трудно достичь главного — реализации формирования учёного-гуманитария как активного соучастника формирования нового человека XXI и последующих веков, вооружённого иной идеологией, иной системой жизненных ценностей, что господствовали в мире тысячи лет. Профессиональный историк обязан быть гуманитарием и, прежде всего, заботиться о человеке и его культуре не только материальной (экономика), но и духовной (социальная справедливости толерантность).

Экономически и социально-гармоничное, процветающее общество может создать только человек новой формации, которую мы пока лишь ожидаем, но необходимость осознаём. Историк-профессионал, знакомый с огромным опытом предшествующей мировой истории, царивших в ней фактически непрерывных войн, насилия, алчности, безверия и существования до наших дней средневекового принципа «сила родит право, а господином является меч» (современное ракетно-ядерное оружие). Историк в такой ситуации должен быть в рядах тех, кто способен влиять на общественное сознание, психологию цивилизационную и этнопсихологию, психологию и культуру отдельно взятого человека. Кто формирует интеллектуальную элиту общества, ответственную за историческую судьбу своего народа, государства.

Заслуживаю ли я, проживший около 100 лет и занимавшийся именно профессией историка-археолога, этого признания, несмотря на ошибки и заблуждения? Верны ли мои представления? Полезен ли мой труд и опыт гуманитарного отношения не только к державам, но и к небольшим этносам и их истории и культуре? Это для меня главный итог жизни. Мой опыт может быть полезен.

Гены предков

Самосознание побуждает меня считать себя глубоко кавказским человеком на уровне наследственной генетики, хотя она скрыта и её влияние

спонтанно и неуволимо. К сожалению, я слишком плохо знаю свою генеалогию, возможны только отдельные факты, достаточно достоверные. Начну с главного (вероятно). В середине XIX века в одном из полков русской армии, вероятно стоявшей в Грузии, служил полковой священник Иван Иванович Незлобинский. От его брака с грузинкой, имени которой мы не знаем, в 1847 году родился сын Антон Иванович Незлобинский. Последний в 1874 году окончил горный институт в Петербурге со специализацией по гидрогеологии. По окончании института 18 лет работал в Пятигорске, работал на всех курортах КМВ и внёс большой вклад в освоение минеральных источников края. Титулярный советник, депутат городской думы Пятигорска имел печатные работы о минеральных источниках КМВ. Умер 24 мая 1899 года в городе Екатеринослав (Днепропетровск). Его сын, Николай Антонович Незлобинский, окончил военно-медицинскую академию в Петербурге и служил судовым врачом на одном из кораблей черноморского флота. В 1918 году из Севастополя ушёл в эмиграцию и жил в Македонии в городе Струг. Врач, почётный гражданин города Струг и основатель музея в этом городе. Умер там же в 1942 году.

А. И. Незлобинский приходится мне по материнской линии прадедом, а Николай Антонович Незлобинский — дядя. Я считаю именно этих моих предков, с их тяготением к исследовательской деятельности, носителями этой генетики, влияние которой так повезло мне испытать и которое мною часто и загадочно ощущалось. Мои предки по материнской линии были типичными для XIX века русскими разночинцами невысокого происхождения, но способными дать своим детям хорошее образование и выявить свои интересы и таланты. Я осознаю эти свои корни, но это сфера психологии недоступная автору этих строк.

Проблема выбора

В апреле 1947 года я был демобилизован и приехал в родные Минводы, где не был 3 года. Городишко не изменился. Везде грязно и неряшливо, следы войны, улицы заплёваны кожей семечек подсолнуха, которые минводские бабки, имевшие огороды, использовали для своего бизнеса. Но это неважно!

Я, двадцатилетний солдат победоносной армии, был полон сил и надежд. Поселился у матери в маленькой комнате на втором этаже. Она меня пристроила, как тогда говорили по блату, в военкомат (военком майор Тиунов был соседом и другом отца, пропавшего без вести осенью 1942 года). Я прошёл проверку КГБ, получил допуск к секретной и совершенно секретной документации и назначен заведующим секретной

частью военкомата. Там проработал 2 года с большой пользой для себя, о чём не жалею.

Польза этих лет (1947–1949) состояла для меня в том, что надо было решать важнейшую проблему — чего я хочу? Я понимал ответственность своих поисков и ограниченность возможностей, особенно материальных. Ещё младшим школьником я увлекался чтением о путешествиях, приключениях, научной фантастикой, историей, географией, популярной астрономией, но особенно историей, живописью и сам много рисовал. Искусство и музыка классических композиторов, итальянский вокал бельканто очаровывал меня, но в условиях КМВ такие специализации были нереальны, и я решил посвятить себя истории культуры в широком плане, а там будет видно. Это было возможно лишь в стенах пятигорского государственного пединститута, в нём был исторический факультет.

Это было мне доступно. Я сдал экстерном три экзамена за десятый класс и получил удостоверение, дающее право поступления в вузы. Это было обдуманное решение, единственно верное для меня в той ситуации, и я его осуществил. Я был принят и проучился на факультете 5 лет (1949–1954). Это были чудесные годы обретения самого себя и это поучительно.

Я студент

Я не смог стать художником, хотя желание было. Чувствовал, что мастером быть не тяну, а подмастерьем-ремесленником не хочу. Меня тянуло и увлекало овладение знаниями, и я набросился на учебную литературу и пособия. Сначала открытием стало происхождение человека и каменный век — палеолит. На летних каникулах 1953 года в ущелье реки Большой Зеленчук была объявлена студенческая археологическая экспедиция ПГПИ под руководством доцента П. Г. Акритаса.

Я был любознателен и записался в экспедицию, об археологии наслышан. Так я летом 1953 года очутился на Нижне-Архызском городище, сейчас очень известном.

Нижне-Архызское городище

В моей научной жизни — это ключевой памятник. Тянется по правому берегу реки на расстоянии до 3,5 км и представляет руины сплошь каменных построек: наиболее плотно, с обозначением трёх улиц, переулков, тупиков, застроена часть территории между посёлком обсерватории Букова и зданиями мужского монастыря конца XIX века. Через 800 м ниже по течению реки ещё один участок застройки, но небольшой. Хорошо видны

древние дороги, оборонительные стены. Но славу руинам городища принесли три христианских купольных храма, в литературе получивших название Зеленчукских.

Их наличие позволило академику В. Ф. Миллеру отождествить городище с центром Аланской епархии Константинопольской патриархии, что и общепризнано в наше время. Это X–XII век и явно греко-византийское влияние на архитектуру храмов, что и привлекло Акритаса (греч. пограничник).

На фоне живописной природы, чистого воздуха, воды, ласкового солнца вся эта тысячелетняя забытая старина производила сильное впечатление. Возникает множество вопросов — кто были эти люди? Куда они делись и почему город превратился в руины, а храмы стоят и т. д. Соприкосновение с реальной, живой древностью захватило и не отпустило. П. Г. Акритас сказал, что здесь жил народ аланы, союзники Византии и что они были разгромлены в XIII веке татаро-монголами. И никто толком об этом ничего не знает. Интересно! Яркий памятник увлёк меня. Оказалось, что средневековые аланы — это народ осетины и сейчас обитающие на севере Кавказа, а я ничего о них не знал. Нижний Архыз властно позвал к себе, и я без колебаний принял вызов, тем более что в соседнем ущелье Кыфара мы посетили ещё одно аланское городище со средневековыми дольменами на некрополе. Опять загадки, вопросы без ответов. А ведь речь идёт об источниках по истории народов Кавказа, братских народов.

Так в 1953 году я решил пробиваться в археологии Кавказа, точнее в культуру раннего средневековья. Стимул к этому я получил в Нижнем Архызе и оснований для сожалений у меня нет. Напротив, есть основания считать себя везучим — 20 лет разрабатывал один объект принципиальной важности. Это проблема урбанизации и она всегда и всегда одинакова. Надо было раскрыть её локальные особенности в условиях географического положения верхнекубанской группы алан, а это связи с византийской империей — вторым Римом и центром христианского мира и православия. Этот огромный материал необходимо знать, включая ближайшую соседнюю Абхазию.

Нижне-Архызское городище открыто не мной. Оно известно давно, со времён Струкова и Миллера. Но тогда возможности археологии как науки только зарождались. Не было археологов-профессионалов, организации и финансирования. Поэтому важный памятник не изучался. Сейчас, когда существуют материалы из моих раскопок, инструментальная и аэрофотосъёмка, архитектурные обмеры храмов, раскопанные захоронения, надписи и т. д., мы вправе делать первые выводы, обобщения и реконструкции, изложенные в многих статьях, докладах, газетных информациях, двух

крупных монографиях: «Нижний Архыз в XII веках. К истории средневековых городов Северного Кавказа». Ставрополь, 1993 и «Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках». Пятигорск: Снег, 2017. Кроме того, в историко-архитектурном аспекте купольные храмы нижнего Архыза подробно рассмотрены в моей монографии «Зодчество феодальной Алании». Орджоникидзе: Ир, 1977. На все названные монографии опубликованы научные и газетные отзывы положительного характера. Выводы о восточно-византийском происхождении крестово-купольной архитектуры Нижне-Архызских храмов и влияние абхазской школы храмового зодчества, поддержаны специалистами (А. Ф. Гольдштейн, Л. А. Перфильева, А. Л. Якобсон, К. А. Афанасьев, Д. К. Чачхалиа).

Работа с храмами потребовала от меня дополнительных усилий. Они не сделали меня историком христианской архитектуры, но позволили грамотно ставить проблему, чтобы привлечь к ней внимание. Было трудно, да и сейчас непонятно, как аланские храмы нынешнего Карачая, древнейшие христианские церкви X века на всей территории РФ совершенно безразличны не только для местных властей, но и для Федерального Министерства культуры, с его законами об охране памятников истории и культуры, даже для Русской православной церкви. Напомню, что в Западной Европе и на Руси нет, пожалуй, ни одного древнего храма, не отремонтированного хотя бы однажды, а северный храм Нижнего Архыза был единственный девственный храм начала X века, не испорченный ремонтёрами. Это был уникальный и живой X век, но его уже нет. Северный храм - кафедрал аланской епархии - недавно был отремонтирован отделом культуры, коммунхозом станции Зеленчукская. Памятник испорчен. Сравните с недавним пожаром Нотр-Дам XII века в Париже. Наш президент предложил Франции помощь в восстановлении собора Парижской Богоматери. Вот почему я в своей монографии о Нижнем Архызе предложил долину эту назвать Святой, а в ней восстановить мужской монастырь, поручив ему вопросы охраны и сохранения христианских святынь от разграбления.

Проблема истории христианства на северном Кавказе

Естественно, что всё это обязывало меня к знанию истории христианства на севере Кавказа и, в частности, в стране алан. Эти события на основе анализа письменных источников в конце XIX века были прекрасно освещены в работе Ю. А. Кулаковского «Христианство у алан», что и облегчило мою работу. Соединение археологического материала с датированными документами византийского происхождения, особенно патриарха Николая Мистика в первой половине X в., сведения о месте аланской епархии рядом

с Русью указали на то значение, какое аланы имели в глазах византийской администрации. Нижний Архыз заставил меня сделать это. В результате появились монографии «Христианство на северном Кавказе до XV века». РПЦ отметила эту книгу золотой медалью Макарьевского фонда. Я, конечно, благодарен нашей церкви за такое внимание к труду советского историка, но огромные заслуги православной церкви в годы многочисленных войн, кризисов, неурожаев и эпидемий, духовная опора и вера народа - огромная сила цементирующего самосознания нас как нации. Для народов Северного Кавказа данные сюжеты малоизвестны, ибо они мусульмане. Только осетины в лице алан были приобщены к православию, но на уровне народной веры, скорее традиционной. Но и современные осетины не воцерковлены.

Так я, в конце концов, пришёл к современному народу Кавказа — осетинам. Работы прибавилось, но это меня не пугало. Было интересно.

Здесь я хочу коснуться социальной ответственности историка. Он, зная опыт прошлого, может быть учителем жизни, если он... У Пушкина в его замечательном «Пророке» есть такие строки: «И обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей». Мы не пророки, но знанием жизни духовной должны жечь сердца людей.

Выдающийся учёный гуманист Василий Абаев

После посещения Нижне-Архызского городища я решил навести справки о нём и узнал в библиотеке ПГПИ о книге Василия Ивановича Абаева «Осетинский язык и фольклор», 1949 г. Она была в библиотеке и мне дали её почитать. Книга очаровала меня как содержанием и глубиной авторской мысли, эрудицией, так и простотой, железной логикой, чёткостью и ясностью, чистым русским языком автора, хотя он происхождением осетин из горного аула Коби. Талантливость Абаева сказывалась в таком сокровенном свойстве его интеллекта, как историзм его восприятия и мышления, несмотря на то что он не историк, а языковед. Впоследствии я, зная В. И. Абаева уже много лет, не раз поражался обоснованности его интуитивных высказываний и оценок, складывавшиеся из общего понимания существующей ситуации и знания множества отдельных частных деталей, образующих в сознании учёного неожиданную яркую мозаику. Данные, очевидно относящиеся к психологии научного творчества и качества и именуемые по Г. Маслоу когнитивными и рецептивными способностями (дальние пределы человеческой психики), у В. И. Абаева были блестящими, и это приводило к открытиям. Примером такого открытия В. И. Абаева была его статья в «Советской археологии» в 1938 году об отражении сарма-

то-боспорских отношений в Нартских сказаниях осетин. В них неоднократно упоминается Чёрное море и владетель Керченского пролива. Отсюда ясно, что предки современных осетин могли быть только те сармато-аланы, которые плотно заселяли низовья рек Танаис (Дон) и Вардан (Кубань). А это сарматские племена сираков и аорсов, со II века нашей эры объединившихся под общим именем «аланы».

Выдающийся языковед-иранист и фольклорист Василий Иванович Абаев был не только для меня, но и для множества его учеников и друзей образцом, эталоном настоящего учёного-гуманитария, лишённого каких-либо материальных и карьерных амбиций, равно не склонный к созданию искусственно красивой и фальшивой, зато величавой истории своего народа или политического режима. В. И. Абаев мог в чем-то ошибаться, но это все равно была наука, научная дискуссия в рамках допустимых величин. В. И. Абаев — интеллектуальная вершина современного кавказоведения, иранистики, осетиноведения. Его версия двуприродного (субстрат + суперстрат = новый этнос) происхождения осетинского народа признана в академической отечественной и зарубежной науке, однако встречает молчаливое сопротивление в интеллигенции Осетии и на севере, и на юге. Дискуссий нет, есть простое умолчание. Думается это не достойно великого сына осетинского народа и даже парадоксально.

В. И. Абаев оказал на меня огромное влияние в выборе моего жизненного пути, как тесно связанного с обширной проблемой древнего иранства на юге России. От культуры боевых колесниц II тысячелетия до н. э. до этногенеза современного и своеобразного народа кавказских алано-осетин, что адекватно укладывается в версию В. И. Абаева о двуприродном характере гетерогенного формирования этого народа. Сказанное в наши дни подтверждается крупным палеогенетическим исследованием, осуществлённым генетиками России, Дании и Китая на массовом материале из раскопок сармато-аланских могильников. Современная этнология требует — один из этнодифференцирующих признаков (например, язык) в отдельности не является таковым, лишь их совокупность во главе с языком позволяет определить этнос. Это положение лишает научной основы формулу прямой гомогенной лестницы для этнической истории осетин «киммерийцы — скифы — савроматы — сарматы — аланы — асы — осетины». Это нечто иное. Осетины живые скифы, и это престижно и приятно, но дело гораздо сложнее, ибо химически чистых народов не бывает. (Абаев). Я твердо придерживаюсь концепции классика осетиноведения ибо эта концепция наиболее верна.

Вернусь к тому моменту, когда я осознал свою причастность к Нижне-Архызскому городищу с его храмами, как очень интересному

перспективному археологическому объекту. Ради него стоит рискнуть, и я решил это сделать. Получив свой диплом с отличием в июне 1954 года, я получил право на льготу — место работы выбрать по своему желанию. Я запросил себе направление быть учителем истории в детском доме № 3 им. Ленина в Нижнем Архызе, в зданиях бывшего мужского монастыря. Мне такое направление дали (а я последние 2 года был сталинским стипендиатом) в Зеленчукском районе Ставропольского края (карачаевцы ещё не вернулись из ссылки). Я прибыл в станицу Зеленчукскую, но в местной средней школе не было вакансии, и зав. РайОНО предложил мне место директора школы в селении Нижняя Ермоловка в 6 км севернее Нижнего Архыза. Я согласился. Здесь последует маленькое отклонение.

Школа в селении Нижняя Ермоловка

Село это было тогда небольшое, около 500 жителей кубанских казаков, оставшихся от бывлой Запорожской Сечи на Днепре, тем не менее имелся свой сельсовет, школы, сельмаг, клуб с кинофильмами, библиотека, весь советский культурный ассортимент при лидерстве обычной водки. Но мне было не до скуки, много работы, готовился поступать в аспирантуру по археологии и, признаться, началась личная жизнь. В мае 1955 года состоялась свадьба с юной красивой казачкой Марией Любченко, ставшей верной и умной моей спутницей жизни на 52 года. На мне была наука и бизнес, на ней — дети и быт. Жили мы дружно. После кончины Маши (в 72 года) я остался вдовцом. Как видите, даже подругу я нашёл в Архызе! Как теперь не верить в судьбу?

Е. И. Крупнов

В Москве я успешно сдал экзамены в аспирантуру Института археологии Академии наук СССР, чему я сам был удивлён: не взяли конкурсантов из МГУ, очевидно сработало то, что у меня уже были 2 опубликованные статьи.

Так я стал академическим учеником, а моим личным руководителем назначен ведущий археолог-кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов, специалист по раннему железу, железному веку и кубанской культуре. Он был зам. директора института, это, конечно, сыграло свою роль, ибо я сразу заявил свой интерес к алано-осетинской проблеме, а Евгений Игнатьевич был родом из Моздока. Ему были нужны помощники.

Я вселился в аспирантское общежитие в Новых Черёмушках в одну комнату с аспирантами из того же Института археологии — Владимиром

Марковиным из Махачкалы и Витасом Даугудисом из Вильнюса. По соседству с нами жил также Рауф Мунгасов (подобно Морковину и мне «крупновец»). Это были незабываемые годы настоящего дружеского и всеёлого интернационала, в общежитии было полно иностранцев из всех институтов Академии наук и, казалось, призыву к миру и дружбе между народами не пустой звук. Это реальность — общение и сотрудничество между научными школами, так необходимые человечеству для выживания, в наши дни увенчались шокирующим решением Правительства РФ о ликвидации, созданной в 1724 году структуры Академии наук Императором Петром I и замены её реформированной Российской Академией наук. Это вызвало протесты учёных, но ломать не строить, Академия наук СССР больше не существует. Приобщение к науке, интеллектуальный рост, обогащение знаниями буквально захватили моё сознание. Я оказался трудоголиком, работал по 12 часов в сутки. Учёный совет утвердил одобренную Е. И. Крупновым тему диссертации «О локальных вариантах аланской культуры Северного Кавказа». Её я и защитил 3 ноября 1961 года в Институте этнографии Академии наук СССР.

Основная идея работы вытекает из уже названной работы Василия Ивановича Абаева, содержащей концепцию о роли субстрата и суперстрата в ходе этногенеза народа. Утверждалось этноопределяющее значение катакомбного обряда погребения как аланского. Диссертация была издана как монография «Аланские племена Северного Кавказа» в серии «Археология СССР» в 1962 г.

С моим руководителем сложились очень хорошие отношения. Это был весьма знающий, доброжелательный и глубоко уважающий и почитающий народы Северного Кавказа человек. Особенно он благоволил к ингушам и чеченцам, постоянно напоминал, что именно вайнахи отстали в своём развитии больше других, поэтому он постоянно тяготел к Чечено-Ингушетии, и ежегодные экспедиции СКАЭ (Северо-Кавказской археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР), как правило, он, как начальник, ориентировал в Чечено-Ингушетию. Но его итоговая монография «Древняя история Северного Кавказа», удостоенная в 1967 г. Ленинской премии, не удовлетворила многих, в том числе и меня: опубликованные рецензии были положительными, критики не было, поверхностность, теоретическая путаница. Книга посвящена знаменитой кобанской культуре раннего железного века, но не поставлены даже вопросы по бронзовой металлургии, об олове на Кавказе в кобанском прикладном искусстве и т. д. В этом умолчании можно увидеть влияние той партийной политики в идеологии дружбы народов СССР, о которой упоминалось выше, много молчаливых запретов, нежелания помешать хорошему человеку, а Евгений

Игнатьевич был честолобив. Я остаюсь верным самой доброй памяти, и это выразилось в организации мной мемориальных Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Я был 10 лет первым председателем постоянного оргкомитета Крупновских чтений, которые собирались в разных городах, а материалы издавались. Сейчас проведено 30 чтений, ставших популярными, и привлекающие даже иностранных учёных. Е. И. Крупнов хотел оставить меня на работе в Москве и по окончании срока аспирантуры в 1957 году, я был принят на работу в Институт археологии Академии наук СССР на должность младшего научного сотрудника сектора скифо-сарматской археологии (заведующий К. Ф. Смирнов), но вскоре был переведён в сектор славяно-русской археологии (заведующий Н. Н. Воронин, затем академик Б. А. Рыбаков).

Е. И. Крупнов скончался внезапно, хотя был сердечником со стажем. Инфаркт, нервы. Но, несмотря на недостатки и даже конъюнктурную зависимость его как учёного-представителя академической научной школы Евгений Игнатьевич остался в нашей памяти нашим учителем и старшим другом.

Институт археологии Академии Наук СССР

Я проработал ИА АН СССР 6 лет, ещё три года аспирантуры, всего 9 лет. Не могу не сказать хотя бы очень кратко о том коллективе, который там сложился и очень плодотворно трудился во благо Советской науки.

Коллектив небольшой, человек 150–200 на обслуживание громадной территории Советского Союза очень мало, но работали не случайные люди. Энтузиасты, делавшие своё дело родной старины без претензий и шума, воздвигая здание нашей науки без прикрас. Коллектив образованных, интеллигентных, благожелательных людей городской культуры. Было очень приятно находиться среди них учиться, учиться и учиться. С любовью вспоминаю не только В. И. Абаева, Е. И. Крупнова, Е. Г. Ковалевскую, М. П. Абрамову, М. Г. Мошкову, С. А. Плетневу, В. И. Марковина, Р. Мунгаева, А. К. Амброза, А. В. Гадло, А. Л. Якобсона, Г. К. Вагнера. Особо надо назвать директора института, академика, героя социалистического труда Б. А. Рыбакова типичного русского мужика, широкоплечего, мощного телосложения, увенчанного мясистым носом и басовитым голосом. Весь облик Бориса Александровича производил впечатление мощи, воли и глубокого ума и таланта. Это незаурядный человек — сразу видно. Я любил бывать на его докладах, было чему поучиться — настоящий академик и талант историка. Очень редкий человек. Среди милых моему сердцу сотрудников назову также этнографов Л. И. Лаврова, Н. Г. Волкова,

З. В. Доде, искусствовед Л. А. Перфильеву, историка А. Н. Малахова, «вождя сарматоведов» К. Ф. Смирнова, незабвенного профессора-экономиста Б.Б. Басаева и его друга этнографа, профессора Л. А. Чибирова. Всех не перечислить, их много. В 50–60 годы в ИА АН СССР работала группа историков, которых я называл «недобитыми дворянами»: А. Я. Брюсов (брат Валерия Брюсова), О. В. Милорадович, В. В. Кропоткин, Э. А. Сымонович и другие.

Можно без преувеличений утверждать, что в институте царила истинно академическая, творческая атмосфера открытого, честного созидания. И дискуссионность была регулятором качественного уровня нашей науки. При существовавшей тогда политизации и давлении коммунистической идеологии такое отношение к свободе мысли и научного суверенитета учёного археология была слишком далёкой, запутанной древностью, к тому же требовавшей знаний, а не трескучих компиляций.

Алано-осетинская проблема и Кавказ

Кавказ - как перешеек между морями Чёрным и Каспийским на стыке двух частей света, Европы и Азии и двух мировых конфессий — христианства и ислама, давно (со времён академика Н. П. Кондакова) рассматривается как громадная территория, входящая в историко-культурные понятия евразийства. Как считали отечественные евразийцы, специфика евразийства состояла в смешении европейских и азиатских культур и новаций, а благодаря А. Г. Маслоу мы знаем о возможностях когнитивных и перцептивных способностей человека, познающего мир. В этом психологическая природа той теории субстрата и суперстрата их миксации и смешения, о которой мы говорили в редакции В. И. Абаева. Понятие евразийства, разделяемое таким крупным русским археологом конца XIX в. — начала XX в., как академик М. И. Ростовцев, разделяется и мной в моих выступлениях по проблеме алано-осетинского этногенеза с его североиранским языком, впитавшем в себя язык субстрата. Отсюда абаевское понятие «двуприродность» (иранство — Кавказ), то есть, если иметь в виду этногенез осетин как наиболее яркий пример.

Так, уникальный пример небольшого кавказского народа в силу сложившихся благоприятных и неблагоприятных обстоятельств продемонстрировал нам ещё раз верность абаевской концепции сложного гетерогенного происхождения северокавказских народов. Естественно, таксономические показатели у них разные, однако есть среди равных этноопределяющая величина, которая указывает ведущую силу. Это, конечно, язык и самосознание в качестве суверенного объекта исторического процесса. Уникальность

же примера заключена в том, что звезда французского востоковедения Жорж Дюмезиль сказал, что устойчивость исторической памяти осетин поражает. Я думаю, что это так и есть. У меня свой удивительный пример: авары в осетинском нартском эпосе, это VI век! Моя статья об аварях напечатана в «Acta Orientalia» в Будапеште, но пока отклика не нашла. Ещё одна статья по материалам нартского эпоса написана мной после высказывания Г. Б. Романовой о волшебном клее «буримаз», которым нарты перед сражением обмазывали своих коней. Суть моей статьи в том, что клей «буримаз» (буквально «жёлтая мазь») это рыбий клей, употреблявшийся в производстве луков и столетиями бывший предметом экспорта для производств Боспорского царства и Хазарии в XIII–IX вв. Это абсолютно достоверный материал, либо сармато-аланско-боспорские, либо алано-хазарские отношения. Здесь каждый подобный факт ценен, ибо может говорить о том, что сармато-аланские предки осетин в древности жили на берегах Чёрного и Каспийского морей, поставлявших массу солёной и сушёной рыбы в Рим и Константинополь. А это международная торговля, экономика, культура античных обществ Рима и Византии, влиявших на варварские племена северного Кавказа. Об этом издана большая литература. Алано-осетины в ней занимают не последнее место. Крупнейшей группировкой была так называемая Донецкая группировка в нижнем и среднем течении реки Дон (аланы-тинаиты). Она в результате неудачной для сираков войны 49 г.н.э. отхлынула на менее заселённую плодородную предгорную равнину. Масса разноликого сарматского населения, заселившего всю территорию будущей Алании между долин рек большая Лаба, Фарс на западе и Сунжа на востоке. На этой очень большой территории, очевидно, политически и экономически доминировали ираноязычные ... субъязыковыми группами: дигорской в Западной Верхнекубанской Алании, иронской в Восточной, Верхнетерской Алании. Дуализм этноязыковой структуры, возможно, отражал дуализм политической структуры — на западе властвует военный вождь, на востоке правят архонты (князья). Прямые сведения об этом имеем у Константина Багрянородного в X в., в трудах современных исследователей Ф. Х. Гутнова, В. А. Кузнецова и Константина Цукермана (Париж, похоже компиляция, если не плагиат у Кузнецова). Проблема размещения алан-дигоров на западе и асов-осов на востоке Алании, как общего этнополитонима и открытие мной в 2017 г. архивных документов, найденных Н. Г. Волковой, с обозначением в Куртатинском ущелье селение Аллан или Алантыкау, близ большого села Даллакау, с указанием числа жителей и развалин двух башен приписываемых народной памятью первopоселенцам Куртатинского ущелья, братьям Куртату и Тага. Их селение лежало у подошвы скалы с башнями Курта и Тага вместе по имени

Уаласых. Оно давно заброшено. Название стёрлось. Но сам факт документален и даёт повод думать о не случайности народных преданий. А это материал по истории современных осетинских обществ по ущельям.

Время и условия расселения Алан в горах

Слабая археологическая изученность центральных районов Кавказа и ориентированность на описательность и уклон в вещеведение, господство письменных источников над всеми остальными и огромные пробелы в исследованиях полевых археологов — решительно преобладали раскопки древних погребений как более эффективные — всё это крайне негативно отражалась на исторических реконструкциях, а это основа для массового потребления любознательных читателей.

В осетиноведении давно утвердилось, что татаро-монгольское нашествие в тринадцатом веке разгромило алан, живших на плоскости, что было так и они укрылись от степняков в горных ущельях, что были недоступны. Так аланы и выжили, став гомогенным народом осетин. И это и есть их этногенез, что в зеркале археологии не так просто.

Данная концепция стала не только устаревшей, но и абсурдной в результате «внутреннего развития» скифского общества в I тыс. до н. э. и скифы, постепенно оседая в горах центрального Кавказа во время походов в Закавказье, трансформировались в осетин — это творческая схема историка из Цхинвала Ю. С. Гаглоиты. Ещё дальше пошёл другой учёный из Цхинвала, кобановед — доктор наук Б. В. Техов. Кобанская археологическая культура эпохи бронзы и раннего железа — блестящая культура аналогичная такой же высокой культуре Гальштата в европейских Альпах. На основании своих раскопок могильника кобанской культуры в высокогорном могильнике Б. В. Техов создал свою версию истории осетин. Оказалось, что, одним словом, этнический субстрат по Б. В. Техову также был ираноязычен. Сплошные осетины! Но откуда тогда взялись вайнахи?

Нам всем необходимо понять, что, во-первых, только языковая принадлежность ещё не даёт этноса. Это один из компонентов. Но есть второй компонент. По В. И. Абаеву — это кавказские аборигены из высокогорья, изоляты — это оторванные от внешнего мира как бы законсервированные и архаичные. Однако, если так, то ингуши и чеченцы — это, некогда единый и гомогенный древний народ, не распавшийся на две части и поэтому живой историко-этнографический музей под открытым небом. Это, возможно, была ранняя ферма такой потестарной общественной структуры, которая представляет собой уникальную ценность для мировой науки. Кем могли быть кобанцы по своему языку? Мы не знаем, но в одном из писем

ко мне на мой вопрос о двалах В. И. Абаев допустил, что протовайнахи могли быть нахоязычны и они есть двалы, занимающие высокогорье центрального Кавказа между дагестанским массивом на востоке и меото-адыгским массивом на западе северного Кавказа.

Глубоко архаичная топонимика нахских форм есть в ареале кобанской культуры наилучше представленной в Северной и Южной Осетии (Н. Г. Волкова, В. П. Кобычев, А. Дз. Цагаева). Но она не собрана и не интерпретирована, выводы преждевременны.

Таким образом, если наблюдение лингвистов и этнографов-кавказоведов будут на топонимическом материале подтверждены, к этому добавим и палеогенетическое исследование антропологического материала, начатое на международном уровне датских, российских (Г. Е. Афанасьев, Д. С. Коробов, В. Б. Ковалевская) и китайских лабораторий генетики человека. Получены первые результаты, свидетельствующие о роли этнического субстрата. Он может оказаться протонахским не противоречащим вайнахской версии. А это, будничным языком говоря, будет означать кровное родство алано-осетин с нахоязычным (и дагестаноязычным) этническим массивом. Будущее покажет. Напомню замечательные строки Николая Гумилёва:

*«Века всё смелют, дни пройдут,
Людская речь в один язык сольётся,
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознью улыбнётся»*

Соединяющего в нас гораздо больше, чем разъединяющего. В этой истине наше общее благо. Вернёмся к проблеме расселения алано-осетин в горных ущельях центрального Кавказа. Эту часть территории осетин я назвал Уаллагир то есть Верхний Ир. Картографирование аланских катакомбных могильников I — начала II тысячелетия н. э. демонстрирует постоянное продвижение сармата-алан в горы. Предгорная равнина — географический её центр — «область Ардоз кавказских гор» «нового списка Армянской географии» VII в. этот сармато-аланский лимес, который был пространственной основой кавказской Алании. Равнина Ардоз была резервуаром для аланских мигрантов с севера-северо-востока с берегов Дона, Меотиды, из сарматизированного Боспорского царства и Пантикапея, нижней и средней Кубани. Причины этой миграции иранцев из Европейской Сарматии на Кавказ мы не знаем, лишь догадки, но плотность миграции такова что В. Б. Ковалевская писала даже о «демографическом взрыве» в кисловодской котловине с VI–VII вв. Высокая плотность аланского этноса во второй половине первого тысячелетия нашей эры в Предкавказье особых сомнений у нас не вызывает и, возможно, давление избыточного

населения на производительные силы было таким, что возникла необходимость расселения со сменой экономической модели и перестройкой основы хозяйства - от скотоводства в степях к земледелию и скотоводству в зоне предгорных равнин и к отгонному скотоводству в горах. А это вызвало движение наиболее активной части алан в ущелье с тяготением к перевальным путям на юг.

Есть иной вариант объяснения аланской миграции в горы. Он имеет в своей основе не экономические, а политические причины. Они уже изложены в моей книге «Древности Алагирского ущелья», 2016 г. Дело в том, что в период арабо-хазарских войн VIII–IX вв. перед правительством хазарского каганата возникла актуальнейшая проблема срочного укрепления южной границы Хазарии. В верховьях Кубани (Западная Алания) возводится в VII веке мощная Хумаринская крепость, а на Дону Саркел — Белая Вежа.

Арабские неоднократные вторжения VII века сделали своё дело — хазары вынуждены укреплять перевальные пути с севера (из восточной Алании) на юг, в нынешнюю южную Осетию. В верховьях р. Ардон сооружаются заградительные стены с башнями, при них находится алано-хазарская охрана — небольшие гарнизоны. Это были, конечно, не степняки-хазары, а их союзники аланы, хорошо знавшие горы. Путь в Грузию лежал по Алагирскому ущелью и основной поток мигрантов обозначается именно здесь. Он археологически представлен катакомбными могильниками алан с VI по VII–VIII вв. Их местонахождение на карте свидетельствует, что наиболее плотно они находятся в средней части Алагирского ущелья — район селений Нузал, Бурон, Садон, Дагом, Архон. А это, в свою очередь, приводит к умозаключению о том, что подобная топография не случайна. Концентрация катакомб (следовательно, аланских воинов-дружинников) говорит об усилении охраны Садонского серебро-цинкового месторождения, значит его раннесредневековых разработок. Это действительно так. На материале серебро-свинцового сырья Садона В. Б. Ковалевской разработана версия о массовом производстве стеклянных бус и бытования стеклоделательной мастерской с экспортом бус в Северное Причерноморье. Дагестанский источник в XII веке «Дербент-Наме» повествует о том, что доход от садонских бус поступал хазарскому хану, а также на жалование аланской охране.

Так изменяется картина аланской колонизации горных ущелий центрального Кавказа на 500–600 лет раньше, чем это представлялось прежде. Нашествие сармато-алан вглубь Картли-Грузии в III в. н. э. установлено грузинскими археологами на основании анализа имён в могильнике Мцхета. Думаю, это северокавказские наёмные дружинники. Это начало рассе-

ления алан на земли Картли, то есть появление алан, как отдельных вкраплений в этносферу Закавказья.

Относительно отношений алан Предкавказья с хазарами и союза их против арабов в VII веке ещё раз хотелось бы заметить, что аланы первыми принимали удар арабов на себя. Они, особенно восточные, безусловно несли тяжёлые потери и для Руси и других народов восточной Европы аланы Кавказа стали щитом, оградившим восточное славянство и народы северного Кавказа от поглощения мусульманским миром и его фанатизмом.. Я думаю, что в этом огромная заслуга древнего иранства перед Русью, что было очевидно 100 лет назад М. И. Ростовцеву, непризнанному эмигранту в советской историографии.

Змейский катакомбный могильник

Родившись как алановед в Нижнем Архызе, я не мог заниматься только им. В 1957 году Е. И. Крупнов назначил меня начальником отдельного отряда СКАЭ, которому поручились аварийные раскопки в станице Змейской Кировского района Северо-Осетинской АССР.

Левый берег Терека почти рядом с селением Эльхотово — это место прорыва Терека через широкую долину, рассекавшую так называемый Терско-Сунженских хребет на две части. Конечно, это не хребет, а возвышенность вдоль реки, безлесная и совершенно открытая всем ветрам. Она и широкая река прикрывают с севера плодородную равнину, как говорилось согласно новому списку «Армянской географии» Анания Широкаци в VII веке. Это область Алании Ардоз - для восточной Алании это её сердцевина во главе с земляной крепостью в Зилги возле Беслана. Долину же в Эльхотово называют Эльхотовские ворота. Здесь проходит железная дорога. Эльхотовские ворота насыщены археологией. Им посвящена одна из моих монографий. В центре этой «области Ардоз» лежит крупнейшая дорога на юг, т. н. Военно-Грузинская дорога через Дарьял и Крестовый перевал с выходом к Мцхета-Тифлису.

Катакомбный могильник на восточной окраине Змейской известен сначала XX в., когда на местном глинище заработал кирпичный завод, а в глине открылись катакомбы Т-образного типа со сводчатыми камерами для захоронений. Всего мной открыто 88 катакомб, содержащих 298 захоронений. Конечно, это часть огромного некрополя, тянущегося на запад. Он по насыщенности могилами аналогичен таким могильникам как Брут и Зилги, где по наблюдениям Т. А. Габуева, В. Ю. Малашева, И. Аржанцевой, Г. Е. Афанасьева, Д. С. Коробова находятся тысячи могил. Я уже не раз обращал внимание на данные факты. Это — тот этноязыковый суперстрат, который

будучи неоднороден и гетерогенен при превосходстве иранцев, и называем аланами.

Они безусловно доминировали и политически, в одноименной раннефеодальной государственности Алания. Я не буду касаться данного круга проблем, уже рассмотренных достаточно подробно обобщающей монографии Д. С. Коробова «Аланы Северного Кавказа. Этнос, археология, палеогенетика», 2019.

Если у меня можно найти какие-то заслуги в исследовании аланской культуры северного Кавказа, то они состоят прежде всего в том, что я всегда изначально считал катакомбу той формой древней могилы, которая была традиционно и устойчива присуща именно древним иранцам Ближнего Востока в связи с их господствующим культом солнца, огня и представлений о вредоносности трупа и необходимости сакральной чистоты могилы и матери земли. Камера катакомбы и угольные и песочные подстилки позволяют избежать контакта трупа с землёй, чистого и нечистого. Но это есть важнейшая черта религиозной системы древних иранцев - мощная религия зороастризм, основанная в VIII веке до нашей эры пророком Зороастром и ставшая общей религией древнеиранского мира.

Эти вопросы были мной поставлены, вопреки В. И. Абасову, в специальной монографии «Змейские аланы. Погребальный обряд и религия», 2019. Данный погребальный обряд, видимо, есть достаточно оснований считать на территориях Подонья, Поволжья, Боспорского царства и Крыма, Предкавказья и Центрального, Северо-Восточного Кавказа обрядом, характерным именно для алан группы северных иранцев. Ещё один аргумент в споре о дележе аланского наследия в пользу правоты осетин. Этот факт, если он в науке получит признание, приобретает такое же этнообразующее значение, как язык.

Мои раскопки Змейского катакомбного могильника указали нам дату раскопанного участка в пределах X–XII вв, о чём говорят найденные в могилах стеклянные цветные браслеты и перстни. Материал очень хрупкий и недолговечный. Долгое время мы связывали с X–XII вв. весь объект, но сейчас, после раскопок молодых археологов из СОГУ (Р. Фидаров и другие), ситуация с датированием ЗКМ изменилась: верхняя дата переместилась в XIV век. Это очевидно говорит о том, что змейская группа плоскостных Алан не вся ушла в горы после трагических событий XII века, но частично осталась на своих местах, подчинившись завоевателям и приняв ислам. Для такого населения Золотой Орды Ордынские власти при хане Узбеке (ум.в 1342 г.) организуют активное мусульманское строительство бывшей Алании, на городище Нижний Джулат на левом берегу Терека близ г. Майский (Кабарда), на городище золотоордынского времени Нижний

Джулат они воздвигают соборную мечеть из кирпича (раскопки Г. Ионе, И. М. Чеченова, исследования Э. Д. Зиливинской). На синхронном городище Верхний Джулат в Северной Осетии, близ бетонного моста через Терек, была построена кирпичная большая Джума-мечеть первой половины XIV века, раскопанная СКАЭ (О.В. Милорадович) и пристроенный к ней Татартупский минарет того времени разрушен реставраторами из Узбекистана.

Верхний Джулат

Привожу эти хорошо известные факты, чтобы напомнить тот историко-культурный контекст, в котором я работал в начале 60-х годов в составе СКАЭ на городище Верхний Джулат. Это крупный объект, очевидно связанный с ЗКМ. Это позволило мне обратить внимание на «область Джулат» персидских источников, а это было впервые подмечено и И. М. Чеченовым и Э.Д. Зиливинской. Я разделяю возможность такого выделения, но на этом всё остановилось никаких откликов в развитии не последовало.

Конкретно о Верхнем Джулате

Проблема золотоордынского города XIV в. Верхний Джулат поставлена, но не реализована. Это не может откладываться «на потом», ибо пойдут разрушительные процессы — судьба Татартупского минарета тому доказательство. Между тем, объект находится на государственной трассе, ведущей в Москву, и очень удобен для показа туристам.

В 2014 году мной издана монография «Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов северного Кавказа». Это иллюстрированный, комментированный отчёт о моих раскопках 1962–1977 гг. Первый раскоп на территории городища сделала О. В. Милорадович в 1957 г. и это оказались руины кирпичной церкви. 1. Объект показался настолько важным открытием, что его опубликовал сам Е.И. Крупнов. Результат: церковь золотоордынской быть не может, это древнерусский храм XII века, влияние Руси на алан. Евгений Игнатьевич даже такому датированному материалу как «Мамайский» (Ордынский) квадратный кирпич, не придал значения, как и стратиграфии. Слишком велик был соблазн конъюнктурного открытия. «Открытие» Е. И. Крупнова никто не поддержал.

Мной исследованы остатки ещё трёх христианских церквей. Все они из квадратного кирпича на растворе, черепичное покрытие с грузинскими буквами XIV в. — время активной строительной деятельности хана Узбека, о чём выше уже говорилось. Три христианские церкви, несмотря на небольшие размеры (т. н. «малые формы»), свидетельствует о немногочисленности

христиан на Верхнем Джулате и на городище в Змейской, где церкви пока нет, но пропаганда чуждой им религии монголами налицо.

Большая проблема состоит в статусе равнинных алан у власти завоевателей. Видимо, часть их оставалась на положении наёмных воинов-дружинников и данников. На это указывают некоторые письменные источники. Верхний Джулат-Змейская это подтверждают, но в новом для нас всех варианте. Неожиданность состоит в том, что наши церкви 1 и 2 имеют, при общем сходстве с «малыми формами» и очевидно конструктивно-типологическом родстве с аланской школой строительства храмов Западной Алании, они дают такую архитектурную деталь как подалтарные крипты. Это у алан не имеет предшествующей традиции и требует объяснения.

Сейчас я нахожу такое объяснение в той военно-политической ситуации, которая сложилась в XIV веке после возникновения двух государств чингизидов: Золотая Орда хана Джучи, государство Хулагу на юге. Борьба между ними после смерти Чингисхана (1227 г.) сопровождалась оживлением экономических связей Золотой Орды с Европой, в частности с итальянскими городами Венеция, Генуя. Уже в начале XV в. Ибн Батута посетил крупнейший город и рынок Маджар (современный Будённовск): купцы со всего света! Это сопровождается появлением в Золотой Орде погребального обряда, требующего захоронения выдающихся лиц в гробницы под алтарём церкви, близко к Богу. Такой гробницей были камеры крипты. В Италии крипты мне известны с VI в., крипта присуща прежде всего латино-католическому христианскому миру. Торговая экспансия Венеции на северный Кавказ в конце XIV–XV вв. известна и указана мною в монографии о Верхнем Джулате. В ходе этой экспансии участвовала и католическая церковь, о чём есть монография французского историка Жана Ришара. По Иоанну Шильтбергеру, в 1410 г., побывавшему на северном Кавказе в области Джулат он застал множество христиан и христианскую кафедру ордена кармелитов. В историографии Верхнего Джулата мои построения представляют новацию, на которую никто не откликнулся.

РЕТРОСПЕКТИВА ДОНСКОЙ АЛАНИИ В СВЕТЕ СВЕДЕНИЙ ВЕНЕЦИАНЦА ИОСАФАТА БАРБАРО

Краткий исторический очерк

Пятнадцатый век, наступает век великих географических открытий, изменивших лицо мира и заложивших основы современной цивилизации. Это эпоха позднего средневековья. Но в XV веке произошло еще одно грандиозное событие, также изменившее лицо мира, а его последствия чреватые. Имею в виду события глобального масштаба: 29 мая 1453 года турки-османы штурмом взяли Константинополь и положили конец тысячелетней православной Византийской империи. Пал щит, защищавший Европу от беспрепятственного продвижения Ислама на запад и его мусульманизации. А это меняет ход мировой истории...

Иосафат Барбаро жил в Донской Алании именно в этот период, а аланы XV в. в послеордынский период нам почти неизвестны, хотя предшествующая история и культура алан Кавказа изучалась давно.

В фундаментальной монографии М. И. Артамонова «История Хазар» (Артамонов, 1962, 361) аланская культура отнесена к числу наиболее изученных археологических культур СССР. С тех пор прошло 60 лет, аланская археология и количественно, и качественно изменилась и прогрессировала. Но выросли новые проблемы, даже общего характера научные концепции. Одной из них является проблема динамизма раннеаланского общества и его высокой подвижности и дисперсности его среды, в конце IV века описанной весьма ярко Аммианом Марцелином: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют как номады на громадном пространстве на далеком расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения, в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой» (Алемань, 2003, 71–72). На карте Европейской Сарматии Птолемея I в. (Кулаковский 2000, 189, карта), переизданной С. М. Переваловым (Кулаковский, 2000, 219–276), севернее Меотиды (Азовской море. — В. К.), помещены роксоланы, языги, аланы и Аланские горы (Донецкий кряж. — В. К.) в устье р. Танаис (Дон. — В. К.) находятся танаиты (аланы. — В.К.). Иначе говоря, на карте Птолемея видим только позднесарматское население.

Более того, вспоминается версия некоторых лингвистов-востоковедов о том, что прародиной древних индоиранских (арийских) племен II—I тыс. до н.э. долго считался хорезм — долина р. Сыр-Дарья, но в последнее время стали обсуждать в качестве варианта прародины иранцев и одновременно родины Зороастризма Airyanəm Vaējō — арийцев (иранцев) простор (распространение) — название полумифической области, лежавшей в северопричерноморских и предкавказских степях (Основы, 1979, 11). В. И. Абаев склонялся к этой версии, но она остается спорной.

Мир древних иранцев-ариев, ярко оцененный проф. Рюдигером Шмиттом в его предисловии к книге А. Алеманя (Алемань, 2003, 20), как «чарующий мир алановедения», вполне заслуживает такой комплимент. Мир иранцев интересен и он вдохновил такого глубокого ученого как М. И. Ростовцев, на его концепцию о роли синтеза двух великих цивилизаций древности — эллинской и иранской; Запад и Восток и их плод — Евразийская цивилизация Древней Руси. Мне кажется довольно верной характеристикой очень подвижной массы древне-иранских кочевников, двигавшихся на запад: «Интерес к аланам объясняется тем, что за исключением нескольких отдельных эпизодов они едва ли изменились за всю свою историю, а их культура, восходящая непосредственно к скифо-сарматам, может иллюстрировать различные аспекты жизни индо-иранского кочевого народа недавнего прошлого, и благодаря своей архаичности помочь в понимании более ранней стадии развития индоевропейского мира в целом, при изучении которой мы не можем основываться на свидетельствах письменных источников» (Алемань, 2003, 22).

В этой тяжеловатой фразе А. Алеманя кроется, на мой взгляд, объяснение чудесного факта потрясающей исторической памяти осетинских стариков-сказителей.

Это небольшое общее вступление в тему я должен закончить своим разъяснением по поводу одного пассажа в великолепной монографии А. Алеманя, которую я здесь широко использую. Он пишет: «Задача написания истории аланов на сегодняшний день выходит за пределы возможностей для любого ученого, который бы хотел объективно подойти к предмету исследования» (Алемань, 2003, 23).

На фоне комплиментарного выступления Рюдигера Шмитта прогноз А. Алеманя выглядит просто убийственно. Убийственно для продолжения шествия научной, многоаспектной и взвешенной методики на основе рационально-позитивных принципов научных реконструкций. Осторожность в разработке таких масштабных исследований необходима, но не абсолютна в комплексе со смежными науками. Любой ученый имеет право на научную гипотезу даже в контексте фактов, если они проверены и нужны. Се-

годня гипотезы, завтра истина. Это факт. Но я хочу напомнить, что процесс познания бесконечен, ибо положительное решение проблемы влечет за собой нежданное появление кардинальных вопросов, на что уже обратила внимание В. Б. Ковалевская (Ковалевская, 2005, 180).

Не буду касаться проблемы оседания иранцев и их тяготения к низовьям Волги, Дона и Кубани, к Меотидо-Боспорскому царству, ибо существует целая литература об этом.

Донская Алания. Я уже касался этого вопроса в последней монографии «Кто мы? Осетины-аланы Кавказа» (Кузнецов, 2020), но его необходимо обозначить еще раз. Прежде всего остановимся на наиболее крупных реках данного региона удачно показанных в знаменитом атласе античности Н. Киперта (Kiepert, 1861, 12). На карте Римской империи находим следующие гидронимы: Гипанис — Кубань, Алутас — Терек, Удан — Кума, Ра — Волга; племена: Прикаспийская низменность — уды; начиная от верховьев Кумы и далее на запад, вдоль Кавказского хребта по Кубани, помещены сираки, по манычу помещены яksamаты, а к северу от Кумы до Волги — Ра помещены аорсы доходящие до р. Яик. Аланы помещены севернее Танаида по нижнему Дону и Донцу. Представляется достаточно верным такое распределение племен в Евразийской Сарматии по письменным источникам, интерпетированными затем Ю. А. Кулаковским и С. М. Переваловым. Как видим, Н. Киперт местоположение алан-танаитов находил по нижнему Дону-Донцу, что соответствует не только нарративным источникам, но и представлениям современных исследователей (Даньшин, Афанасьев и др.). Процессы, происходившие в связи с миграциями сарматских племен на запад анализировались недавно А. С. Скрипкиным и я не буду повторяться и отмечу лишь два факта: схема этого ученого (Скрипкин, 1990; Скрипкин, 1996, с. 160–169), представляется мне приемлемой, а роль аланского компонента в ней выделена особо — справедливо. Хотел бы заметить важность вывода этого ученого: «Появившись сперва на Дону, аланы могли с такой же убедительностью заявить о себе и в Северо-Западном Причерноморье, как это они сделали в отношении Закавказья» (там же, с. 168). Правомерность же выделения географического понятия «Донская Алания», конечно косвенно-условно подтверждается открытием в 1984 г. во время раскопок у Мангупа¹ в Крыму фрагментом мраморной плиты с текстом декрета с впервые открытым названием страны Аорсия, т.е. страны аорсов. Выводы Ю. Г. Виноградова: декрет скорее всего ольвийского происхождения, Аорсия поблизости от Дуная и провинции Мезия, спор об этнической принадлежности царства Фарзоя решается в пользу сармато-аорской его принадлежности (Скрипкин, 1996, 161). Но если в надписи была Аорсия в

¹ Мангуп — средневековый город (с IV в.) в Крымских горах.

первых веках н.э., то почему она не могла переименовываться в Аланию после войны 49 г., когда аорсы победили сираков?

Одно из крупных сарматских племенных объединений в историографии получило название «Донская Алания». Это современное название той части Азиатской Сарматии I в. н. э. Птолемея, которая находилась между Волгой и Днестром. К ним прилегала степь, до IV в. входившая в границу Боспорского царства. Происходил процесс аккумуляции сарматского населения, «демографический взрыв», отмеченный рядом специалистов (Ростовцев, Ковалевская, Гайдукович, Скрипкин, Мошкова и т. д.) и очевидно, подтверждающий верность концепции М. И. Ростовцева о контаминации двух великих цивилизаций древности — эллинизма и иранства (Ростовцев, 1918).

Я не имею цели более подробно рассматривать аргументы в пользу сармато-аланской доминанции. Об этом уже шла речь в моей последней монографии «Кто мы? Осетины-аланы Кавказа» (Кузнецов, 2020). Авторы исследования о прославленном в европейской археологии ювелирно-полихромном стиле «клуазоне» (IV–VI вв. н. э.), констатируют наличие в V–VI вв. центра власти в Западной Алании, что считаю весьма убедительным (Античные государства Северного Причерноморья, 1984, 166; образцы на северном Кавказе см.: Kazanski, Mastokova, 1999, 523–573). Но на Нижнем Дону и в Поволжье ситуация сходная (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, 5–13) и было бы трудно понять, если было бы иначе. Сложную проблему распространения стиля «клуазоне» от Боспора до Туниса М. И. Ростовцев свел только к наследию Боспора и подвижности аланских переселенцев V в. (Rostovtzeff, 1923). У алан Поволжья и Кавказа такой технологии не было, однако, предметы роскоши были и поступали на рынки Алании.

Кочевой быт и подвижность позднесарматских-раннеаланских племен, ярко описанная в конце IV в. Аммианом Марцеллином, на наш взгляд свидетельствует об аланском обществе этого наиболее динамичного периода «Великого переселения народов», как обществе-конгломерате. Общая языковая принадлежность к языку-койне, при наличии незначительных диалектных различий, обеспечивала достаточно высокий уровень языковой коммуникации и миксизации — смешивания разных локальных сарматских племен и постепенному, раннему этапу формирования средневековой аланской народности. Для нее, очевидно, период последующей конгломерации с массовым смешением кочевых субстратных племен еще не наступил, поскольку не наступил период массовой седентаризации, т. е.

оседания кочевников. У кавказских алано-сарматов это период алано-кавказского синтеза, период вызревания образа жизни, «военная демократия» еще недавно, теперь «вождество». В этой подвижной неустойчивой среде союзы племен то объединялись, то распадались, но общая, генеральная тенденция развития состояла в консолидации и постоянном усилении более сильных в военно-политическом отношении групп. Кажется, подобная форма догосударственных социальных структур решительно преобладала. Примеры тому можно видеть на позднесарматском-аланском материале. Центром, так называемой Донской Алании, был античный город Танаис на правом берегу одноименной полноводной реки в устье р. Дон.

Город Танаис: античность

Предоставим слово «отцу географии» Страбону: «На реке и на озере лежит одноименный город Танаис, основанный греками, владевшими Боспором. Недавно его разрушил царь Полемон за неподчинение. Это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора, с другой стороны; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обихода. В 100 стадиях перед этим торговым центром лежит остров Алопекия — место жительства смешанных поселенцев. Поблизости на озере есть и другие островки. От входа в Меотиду Танаис находится в 2200 стадиях по прямому пути на север; немного больше расстояния, если плыть вдоль берега.

При плавании вдоль побережья, отправляясь из Танаиса, мы встречаем прежде всего на расстоянии 800 стадий реку под названием Большой Ромбит, где находятся самые большие места ловли рыбы, назначенной для засола. Затем еще в 800 стадиях расположены Меньший Ромбит и мыс где также есть, хотя меньше места рыбной ловли. У тех кто живет около Большого Ромбита, островки служат рыболовными стоянками, а на Малом Ромбите сами меоты занимаются этим промыслом. Ведь по всему этому побережью меоты; хотя они и занимаются земледелием, но не менее воинственны, чем кочевники. Они распадаются на несколько племен, причем живущие вблизи Танаиса отличаются большей дикостью, а те что граничат с Боспором более цивилизованны» (Страбон, 1964, с.408–469).

Достоверность сведений этих фрагментов из огромного труда Страбона не вызывает сомнений и поражает тщательностью и скрупулезностью даже мелких деталей, а общая эрудиция этого великана античной науки фантастична. Читая Страбона мы зримо видим «внутренним взором»

человека XXI века с его гигантскими достижениями в науке, технике, культуре, спорте и т.д. в сравнении с будничной, повседневной жизнью времен Страбона и Танаиса — мы остро сознаем, какой путь пройден человеком за две тысячи лет. *История, если она идеология гуманизма, обязана нас учить в союзе с культурой духовности.*

После этого невольного исторического пассажа вернемся в Танаис. Понятие «город» применительно к античности определялся не столько числом жителей, сколько экономическими (торговля, ремесла, культура) и социальными функциями (политическая и военная власть и т. д.). Примеров много.

В частности в XIV–XV вв. крупнейшие города Германии Любек и Нюрнберг обладали лишь 20-тысячным населением, немало городов с населением 2–3 тысячи человек (Ястребицкая, 1978, 57). Вряд ли население Танаиса когда-нибудь превышало эту цифру намного (имею в виду постоянных жителей), но тем не менее это, по Страбону «самое большое после Пантикапея торжище». Танаис стоял в самом устье реки фактически на берегу моря и это делало город легко доступным портом, посещаемым множеством кораблей из стран Средиземноморья и Ближнего Востока. Основные товары — вино, оливковое масло, специи, украшения; со стороны варваров-«скифов» (так часто называли алан «по привычке») высушенные шкуры животных, рабы из соседних племен, захватываемых во время набегов — «балцев». Центральную часть города с рынком окружает толстая, около 3 м, каменная стена. Еще одна стена, оборонительная городская, защищает город от набегов кочевников. Улицы в жилых кварталах узкие, тесные, дома из рваного ракушечника без отезки и раствора, насухо, изнутри обмазывались глиной и, конечно, были продувные и очень холодные в осень и зиму. В середине III в. н. э. Танаис был взят и сожжен германским племенем готов (Буданова, 1990). Автор этого новейшего исследования т.н. «готской проблемы Северного Причерноморья» В. П. Буданова под редакцией акад. Б. А. Рыбакова пишет: «Труднейшей проблемой для Северного Причерноморья является вопрос о пребывании здесь готов <...>, историческая судьба готов в Северном Причерноморье необычайно сложна» (там же, 121)².

Вернемся в Танаис. Последняя танаисская надпись датируется 244 г., следовательно, какое-то время после этого история в Танаисе отсутствовала, Остатки руин покрылись двухметровой толщей земли, заросли (Казако-

² Среди обсуждаемых вариантов присутствует такой вариант этимологии термина «роги» (Rogas), толкуемого Г. В. Вернадским как алано-славянское племя, а П. Ф. Сумом как роксоланы (Буданова, 1990, 126). Позиция Г. В. Вернадского не нашла поддержки в науке, а суждения П. Ф. Сума, кажется, не дискутировались.

ва, 1968, 46). Но для нас главное впереди. Оно связано с сокрушительным нашествием татаро-монголов в начале XIII в., образованием Золотой Орды в XIV в. и переходом к эпохе позднего средневековья.

Город Танаис: средневековье

«Свято место пусто не бывает» — гласит русская народная поговорка. Наверно, иначе не возникали бы многие города гомогенного-устойчивого и стабильного состояния и развития одних и тех же центров невзирая на всевозможные потрясения и катастрофы. Это общеизвестно и на современных исторических фактах — например, наш Сталинград, полностью разрушенный в ходе грандиозного сражения осенью 1942 г. и полностью восстановленный в короткий срок.

Танаис, в конце I в. до н.э. разрушенный боспорским царем Полемоном, был восстановлен, а в первой половине III в. н.э. взят и сожжен германцами-готами. Через столетие развалин он был вновь восстановлен, но ненадолго. В бурном V в. «Великого переселения народов» он вновь пал при неизвестных нам обстоятельствах. Планомерные археологические раскопки, начатые советскими археологами под руководством Д. Б. Шелова, дали возможность создания общей и достоверной картины исторической жизни этого памятника. Мы не можем рассматривать здесь эти результаты, и ограничимся краткой справкой об общем облике Танаиса.

В начале II в. н. э. город превращается в крепость, в плане почти квадратной формы со сторонами 225×240 м и рвом шириной 10–13 м, глубиной 7–8 м. Жилища танаисцев незатейливы, как мы уже отмечали, сухая кладка стен без штукатурки, полов, оконных проемов без остекления, отсутствие мебели, зато есть подвалы для хранения глиняных амфор с вином. В центре города обнаружено несколько больших помещений площадью до 50 м² видимо служебных. С рыбной ловлей связаны прямоугольные земляные ямы с множеством рыбьих костей — для засолки и хранения рыбопродуктов (Античные государства Северного Причерноморья, 1984, 94–95).

Переводчик записок И. Барбаро на русский и автор вводной статьи «История Таны (XIV–XV вв.)» Е. Ч. Скржинская пишет: «На пороге XV в., после потрясений, вызванных походами Тимура, Тана восстановилась как будто в последний раз: Площадь ее сократилась, местное население поредело» (Барбаро, 1972, 41) К вопросу о местном населении мы еще обратимся. Сейчас вопрос: кто такой Иосафат Барбаро и какое он имел отношение к аланам?

Иосафат Барбаро: справка

Все, что нам известно о Барбаро, обработано и изложено Е. Ч. Скржинской в специальной главе ее труда (Барбаро, 1973, 64–85), к чему и отсылаю. Даю сведения о Барбаро очень кратко.

Иосафат Барбаро происходил из венецианской торговой аристократии, его отец Антонио Барбаро имел торговые интересы в Приазовье — Меотиде. В 1434 г. Иосафат женился на девушке из венецианской семьи Дудо, также имевшей свои интересы в Приазовье и это, очевидно, решило его выбор — в 1436 г. в возрасте 27 лет в чине посла Венецианской республики он отплыл в город Тану, бывший Танаис. Здесь он прожил с 1436 по 1452 год, т. е. 16 лет. Все это время он был купцом. Вернувшись в Венецию, он через несколько лет вошел в число правителей республики и дипломатов. Умер в 1494 г. Иосафат Барбаро, после возвращения в Венецию написал и издал свой, мемуарного характера труд в двух частях: путешествие в Тану, путешествие в Персию — *Quivi comenciano le cose vedute et aldite per mi, Iosaphat Barbaro, citadin de Venetia, in do viazi, che io ho fatti — uno ala Tana et uno in Persia* (Барбаро, 1971, 5). Мы здесь рассмотрим только первую часть: путешествие в Тану — основной порт-эмпорий знаменитых итальянских «морских» торговых республик XV в. Венеции и Генуи, конкурировавших между собой. Нас, естественно, будет интересовать та информация, которую знал об аланах-танаитах Барбаро, как их живой сосед и образованный итальянский патриций. Свидетельства Барбаро, как увидим, исключительно ценны, но парадокс состоит в том, что в научной литературе они достойно не были оценены (в том числе и мной). Данную ошибку необходимо устранить. Учитывая то, что в нижнем и среднем Подонье продолжали находиться остатки (после вторжения Тимура и падения Золотой Орды) сармато-аланского населения, мы не можем не уделить внимание этим фактам.

Сведения Иосафата Барбаро о донских аланах

Автор исследования текста И. Барбаро Е. Ч. Скржинская замечает: «Для полной картины у Барбаро не хватает характеристики населения Таны». Это действительно так: за 16 лет жизни венецианца в Тане, в ежедневном общении с туземными варварами, не знавшими итальянского языка, кажется просто невероятным. Первыми Барбаро говорит о татаро-золотоордынцах XIV в., господствовавших в степи до 1393 г. — нашествие Тимура. Но Е. Ч. Скржинская тем не менее пишет, что «отчетливых сведений о конце Таны нет» (там же, 50)³.

³ Отметим также, что работоторговля проходила тайно из-за боязни кровной мести

Сведения Барбаро об аланах особо важны и информативны потому, что получены самим Барбаро в натуре и лично, они документальны. Заподозрить их книжное происхождение нет никаких оснований, во второй половине XV, когда Барбаро пишет свой труд «Путешествие в Тану» (там же, 136–187), публикаций такого рода не существовало, а Ал Масуди и Ибн-Русте вряд ли могли влиять на работу Иосафата Барбаро. Итак, дадим слово этому незаурядному (об этом см. выше) представителю венецианской торговой буржуазии XV в. — времени, когда татаро-монгольские завоеватели по всем признакам должны были разгромить и сжечь всю Донскую Аланию. Но..., не тут-то было! Цитирую: «Название Алания (sig: В. К.) произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются «Ас». Они — христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, на побережьях, на равнинах, там есть множество курганов, насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений. Каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест сделанный из другого, цельного камня. Эти курганы бесчисленны; в одном из них, как мы узнали, и был спрятан большой клад» (Барбаро, 1971, 137–138).

Еще раз обратимся к обязательному вопросу о достоверности приведенных сведений И. Барбаро. В чем мы видим здесь особо выдающийся источник по алано-осетинской проблеме — одной из самых тяжелых, путаных и острых проблем современного кавказоведения и более того — острейшей проблеме использования исторической науки и ее достижений в идеологических и даже в политических целях, что и бурно происходило на Северном Кавказе в 90-е года XX в., я имею в виду продолжавшуюся более 50 лет дискуссию об так называемом «аланском наследстве», оно интересно и богато, а мы знаем — такое наследство всегда конфликтно и бывает, сталкивает целые народы и государства. Это то зло, которое всем нам, и левым и правым, мешает жить.

Венецианский коммерсант не мог даже подозревать, что в XX–XXI вв. его личные мемуары могут стать важным свидетельским документом, значение коего безусловно. Подчеркну: цитированный выше текст И. Барбаро XV в., как научный факт, полностью соответствует научной академической парадигме, которая была четко обозначена в первой половине XX в. в трудах В. И. Абаева и названа им концепцией «двуприродного происхождения» осетинского народа: этнический субстрат, как основа нового этноса.

Оценивая И. Барбаро, как живой источник, необходимо учитывать обусловленный его профессией образ жизни купца на периферии варварского мира. Он был многоязычен и пестр, подвижен и требовал для работы переводчиков. Они были. Вспомним найденную в Таганроге плиту III в. с именем

аланского переводчика по имени Ирак. В степи с середины XIII в. господствовали татары. И. Барбаро изъездил их стойбища, знал их веру, традиции, владел языком татар, называвших его по-своему «Юсуф» (Барбаро, 1971, 46). Издатель труда И. Барбаро Е. Ч. Скржинская справедливо говорит, что он «не только вообще представлял себе окружающую татарскую Орду но и хорошо знал её» (там же, 47).

Барбаро не дает прямых указаний на присутствие алан в населении Таны в XV в., но они были наверняка. Об этом говорит нарастание количества иранских имен сармато-аланского происхождения в населении Таны (Даньшин, 1990). Любопытно, что Барбаро точно указывает этнонимы современных осетин — аланы на их языке называются ас и это не случайность, а традиция; Стефан Византийский (V–VI вв.) знает, гору Алан в Сарматии (также у Птолемея на его карте Европейской Сарматии) и «Асса (Ἀσσα) <...> есть и деревня в Скифии, жители называются Ассаионами (Ἀσσαῖοι)» (Латышев, 1893, 253, 255). Это мои косвенные рассуждения, исторический фон. Но Иосафат Барбаро щедро одарил нас информацией прямого действия, которую историки почему-то (в том числе и я) не использовали, кроме упоминания в новой монографии М. Э. Мамиева об аланском православии дается тот же текст И. Барбаро без какого-либо комментария и извлечения информации из источника (Мамиев, 2014, 94)⁴.

Иосафат Барбаро и археология Алании

Существовала ли вообще Алания, как раннефеодальная государственность образца X–XII вв., с ее взлетом в XIV в., в эпоху Золотой Орды, то есть в XIII–XIV вв.? Подъем Алании в XI в., вероятно после смерти объединителя аланских племен из Северного Кавказа, царя Дургулеля Великого, вскоре сменился политическим распадом слабой еще Алании, неизбежными феодальными распрями в борьбе за сепаратные княжения и землю и т. д. Это еще один наглядный урок нам потомкам: ***наш исторический опыт убеждает в наших условиях только наше существование сохраняет нашу политическую и культурную независимость и самобытность.***

⁴ На самом деле А. Алемань приводит данные Барбаро об этнонимах алан и ас, однако отмечает, что эти сведения были ему доступны лишь через работу Л. Згусты и все данные И. Барбаро об аланах не попали в полном объеме в его монографию (Алемань 2003, 35). Сведения И. Барбаро о аланах приводил еще в 1963 г. Б. А. Калоев в своей работе «В. Ф. Миллер — Кавказовед», правда по какой-то причине автор цитирует его под искаженным именем Иосиф Барбароса (Калоев 1963: 87) (Примеч. ред. — Б. М.).

Внутренняя социально-экономическая история Алании уже освещалась в историографии В. Б. Ковалевской, В. А. Кузнецовым, Т. А. Габеевым, Ф. Х. Гутновым в их крупных монографиях наиболее фундаментальное исследование додургулелевской эпохи (до XI в.) на обширном археологическом материале выполнены В. Б. Ковалевской (Ковалевская, 2005) и Д. С. Коробовым (Коробов, 2019). Следующий период в истории Алании X–XII вв. рассмотрен в трех монографиях В. А. Кузнецова (Кузнецов, 1971; Кузнецов В. А., 2017; Кузнецов, 2019). Пожалуй, хватит. Ознакомление с данными исследованиями, а это лишь часть изданных работ алановедов, покажет полную идентичность на уровне концепции. Удивительно, но факт.

Однако, это не всё. Сегодня талантливый Венецианский купец выступает как стихийный зачинатель археологии и раскопок в Европе. Вот факты.

Характерной чертой ландшафта вокруг Таны было множество могильных курганов, отмеченных Барбаро. Они не имеют отношения к итальянцам и оставлены местным варварским населением, постоянно растущим в ходе сарматизации (Шелов, 1975 136–137; Скрипкин 1996). Привлекшие к себе внимание находками при строительстве ирригационной системы в Астраханской области близ селений Кривая Лука и Косики были раскопаны курганы I в. до н. э. — I в. н. э. с богатыми погребениями сарматской знати (Дворниченко, Фёдоров-Давыдов, 1989). Особо выделяется могила сарматского вождя в Косике с массой золотых вещей. Косика, это территория сарматского племени аорсов, сыгравших основную роль в этногенезе иронской части осетинского народа (Кузнецов, 2016, 23–25). Авторы В. В. Дворниченко и Г. А. Фёдоров-Давыдов считают, что «такие украшения хранили в сокровищницах скифских царей или сарматских вождей» (Дворниченко, Фёдоров-Давыдова, 1989, 6). На золотых обкладках пояса, например, изображены две сцены, полагают — из нартовского эпоса (там же, 6), здесь не место обсуждать этот уникальный комплекс. Важен сам факт присутствия подобных, значимых в социальном аспекте, комплексов в ареале донских алан.

Курган Контебе

Из Каира в Тану прибыл Гульбедин (Барбаро 1971, 138), видимо, татарин и купец. Гульбедин (Gulbedin) в бытность свою в Каире слышал от какой-то женщины татарки что в одном из таких курганов по названию Контебе (Contebe) «аланы спрятали большое сокровище», сообщила приметы кургана и местности. Гульбедин нашел курган и стал его раскапывать. Он проделал несколько колодцев, то в одном месте то в другом. «Так он продолжил копать в течение двух лет после чего умер» (там же).

В 1437 году в Тане собрались семеро купцов в доме Бартоломео Россо, Франко Корнарио, Дзуан да Валле, Катарин Контарини, Дзуан Барбариго, Моизе Бон и сам Иосафат Барбаро, вместе со святой Екатериной. Купцы договорились между собой и сделали «запись», скрепленную клятвой (копия хранилась у Барбаро). Договорились, копать «на той горе», т.е. на кургане Контебе. Спустя 8 дней венецианские кладоискатели со 120 наемными рабочими выехали из Таны. Имущество экспедиции везли на санях, «двигаясь по льду, по реке» 60 миль от Таны.

Курган имел высоту 50 футов (15 м), сверху он плоский. «На плоскости находился другой курган, похожий на круглую шапку с полями вокруг». Этот второй курган был высотой в 12 футов (3,65 м). Нижний курган имел очертания круга, как будто его сделали по циркулю, диаметр его равен 80 футам (24,38 м). Далее следует описание раскопок на плоскости большого кургана с неплохим наблюдением за стратиграфией почвенных отложений. Характерно, что верхний слой так промерз, что невозможно было его копать. Поэтому экспедиция венецианских «археологов» возвратилась в Тану.

Работа была продолжена в конце марта и продолжилась 22 дня, имея в составе рабочей группы 150 человек. Барбаро не говорит о своей роли в этом грандиозном походе венецианских кладоискателей, начальником и инициатором которой он и был⁵. Касательно самих работ Барбаро уточняет, что они сделали вход длиной примерно в 60 футов (18,28 м), шириной 8 и высотой 10 футов (2,43–3,0 м).

«Теперь услышите о вещах удивительных и так сказать невероятных. <...> Удивительное заключалась в том, что верхний слой черен от травы, затем по всей поверхности лежал уголь <...> Ниже лежала зола на глубину одной пяди <...> Ниже, на глубину еще одной пяди, лежала шелуха от проса. По поводу этого можно сказать, что здесь, когда ели просяную кашу, то сохраняли шелуху, чтобы положить ее на это место: однако я хотел бы знать, сколько надо было иметь проса, чтобы заполнить шелухой, да еще на глубину целый пяди, всю поверхность этого кургана? Еще ниже лежала рыба чешуя, а именно — чешуя морского окуня и других рыб, и также на глубину одной пяди. Конечно, нужно было бы сказать, что в этой реке ловилось множество окуней и другой рыбы и их чешуи могло бы хватить, чтобы покрыть весь Курган: однако я предоставляю сообразить самим читателям, насколько это возможно и правдоподобно. Сам смогу только удостоверить, что это сушая истина. В связи со сказанным я полагаю, что че-

⁵ В одном месте Барбаро все же указывает на род деятельности, которым он занимался в свободное от организаторских забот время: «в надежде отыскать сокровище, мы пустились таскать носилки усерднее, чем те люди, которым мы платили, и как раз я стал мастером по носилкам» (Барбаро 1971, 139) (*Примеч. ред.* — Б. М.).

ловец приказавший устроить такую могилу, — его имя было Индиабу, — и желавший исполнить все многочисленные церемонии, которые соблюдались в те времена, должен был заранее подумать о том, чтобы собрать и сложить на место все эти вещи. Прodelав раскоп и не найдя сокровища, мы решили проверить еще два рва вглубь большого кургана шириной и высотой в 4 фута; прокопав их, мы нашли белый и настолько плотный грунт, что сделали в нем ступеньки, по которым и таскали носилки. Углубившись почти на 5 футов, мы нашли на этой глубине несколько сосудов, в некоторых была зола, в других уголь; некоторые были пусты, другие наполнены костями осетровых рыб. Нашли также 5–6 бусин величиной с померанец и они были из обожженной глины, глазурованные, похожие на те, что изготавливаются в Марке и привешиваются к неводам. Еще нашли мы половину маленькой ручки от серебряного котелка; сверху на ней была змеиная головка».

Барбаро отмечает, что после его раскопок это место стало именоваться «Франкской ямой», потому что «прodelанные нами работы были настолько велики, что казалось — здесь за это короткое время действовало «не менее тысячи человек» (Барбаро, 1971, 138–140).

Я привел как источник, фактически полный отчет Иосафата Барбаро о его раскопках кургана Контебе. В комментариях Е. Ч. Скржинской, разъяснение этого названия, как тюркское Кумтепе — Песчаный холм, считая, что он совпадает с Кобяковым городищем (там же, 160, комм. 26), но это маловероятно по причине хронологического несоответствия (Кобяково — эпоха поздней бронзы).

Но название кургана тюркское и следовательно, позднее, оно очевидно половецкое. Когда и кто мог оставить этот огромный курган?

Начнем с того, что этот археологический объект весьма информативен, а Е. Ч. Скржинская с его анализом и оценкой не справилась — археологом она не была, а археологи не интересовались «исследованиями» И. Барбаро, разумеется, он был только купцом и политиком, послом и не имеет никакого отношения к науке (в 1437 году археология как наука о древностях еще не существовала). И тем не менее этот образованный, наблюдательный и умный человек совершил свой жизненный подвиг. Сам того не подозревая, движимый жадной легкой наживы и будучи коллекционером драгоценных камней, он поверил в устную информацию некоего Гульбедина, татарина и вероятного купца (а по комментариям Е. Ч. Скржинской Барбаро дружил с татарами и вел с ними дела), а Гульбедина, в свою очередь, в Каире получил сведения от некой женщины татарки (*una femena tartara*), вероятно рабыни, которые я уже привел выше о том, что курган Контебе хранил в своих недрах сокровища аланского царя. Цитирую: «Причиной

его сокрытия было следующее обстоятельство: когда предводитель аланов, уже упоминавшийся Индиабу услышал, что татарский хан (*l'imperator di Tartari*) идет на него войной, он решил захоронить сокровища, но так, чтобы никто этого не заметил, поэтому он сделал вид, что готовится для себя могилу по местному обычаю и приказал потайно положить сначала то, что он считал нужным, а потом насыпать этот курган» (Барбаро 1971, 140), иных сведений нет.

Но и это немало, немало потому, что во-первых, археологу ясно, что Контебе был не курганом, а городищем: с выраженными культурными слоями. «Этим объясняется искренне недоумение Барбаро, когда в ходе раскопок вместо золотых украшений и прочих уникамов пошла масса чисто бытовых отходов — по всей поверхности уголь, ниже слой золы на одну пядь, ещё ниже лежала шелуха от проса во всю ширину кургана на глубину целой пяди (18 см). Ещё на одну пядь глубже лежала рыба чешуя морского окуня и других рыб. «Сам я могу лишь удостовериться, что это сушая истина» (там же, 139).

Оценивая раскопки итальянских кладоискателей и их значение для нас в целом и для казалось бы весьма отдаленного осетиноведения, мы должны признать заслугу Иосафата Барбаро в двух аспектах:

1) становление археологии, как исторической науки о древности с применением специфических правил и методик, в комплексном изучении материальной культуры Евразии;

2) конкретный и ранее не учитывающийся вклад Иосафата Барбаро в востоковедение и, особо, в кавказоведение и осетиноведение.

Кратко об этих оценочных выводах автора.

Общее. Уже отмеченная выше честь И. Барбаро состоит в том, что он осуществил первую в Европе экспедицию, хотя и не научно-исследовательскую по современным меркам, тогда иначе быть и не могло, однако мы не вправе обвинить И. Барбаро в дилетантизме. Экспедиция на курган Контебе и ее организация сходна во многом с организацией наших археологических экспедиций в пределах СССР и РФ, но не таких многолюдных (120–150 рабочих).

Барбаро вел полевые записи (у нас дневник раскопок), объект тщательно описывался и измерялся (у нас не обязательно), в ходе раскопок делались визуальные определения необходимого растительного и костного материала (у нас определения специалистов), в начале раскопок применялись «ямы» и «канавы» или «рвы» (известные нам как разведочные шурфы или траншеи), наконец, Барбаро применял раскопы и зачистку широкими площадями. Но особенно интересно то, что он первый, насколько я знаю, обратил внимание на вертикальное чередование природных и антропоген-

ных слоёв в культурном слое городища, без чего в наше время просто невозможно работать на современном уровне. *Для первого шага это великолепно* и мы, кажется, имеем право поздравить Иосафата Барбаро и видеть в нем не мародера и грабителя могил, а весьма серьезного, вдумчивого человека, закончившего свое исследование изданием специального труда.

А. Л. Монгайт по поводу возникновения археологии пишет: «Коллекционирование древности и связанные с этим раскопки до XVIII века еще нельзя назвать началом археологии (Монгайт, 1973, 11). Я их, раскопки Барбаро, признаю, аргументы изложены и если они будут признаны, приоритет Барбаро станет реальностью.

Алания глазами Иосафато Барбаро

История и культура алан современными учеными делится на три диахронных периода: раннеаланский период I–IV в.; среднеаланский период V–IX вв. и позднеаланский период X–XV вв. Подчеркну позднеаланский период относительно неплохо изучен вплоть до татаро-монгольского нашествия и завоевания XIII в., период завоевания и трагической катастрофы Алании, как раннефеодальной государственности, единственной в центральной части Большого Кавказа. В плане этнической истории самого народа, он не пресекся, аланы были побеждены, но не покорены и выстояли, несмотря ни на что. Барбаро застал осколки аланского мира в Нижнем Подонье, вокруг Меотиды в первой половине XV в., не только выжившими, но и сохраняющими свои позиции в торговле (иначе откуда взялся «клад в кургане Контебе») и какую-то самостоятельность (правитель алан Индиабу). Не исключено, что проживший 16 лет в Тане И. Барбаро, овладел как турецким (там же, с. 68), так и аланским языками.

Перейдем к небольшому тексту из труда Барбаро, где он излагает свои сведения, вероятно личные впечатления от его путешествий по Северо-западному и Центральному Кавказу.

«Название Алания произошло от племен, именуемых аланами (*Alani*), которые на их собственном языке называются «Ас» (*As*). Они - христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, побережьях, на равнинах; там есть множество курганов, насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений. Каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест, сделаны из другого, цельного камня. Эти курганы бесчисленны; в одном-то из них, как мы узнали, и был спрятан большой клад» (там же, 38).

Вторично приведенный рассказ Барбаро ставит ряд вопросов. Первый из них относится к первой фразе источника об аланах и асах. Комментарий

здесь не нужен, вопрос о соотношении этнонимов «аланы» и «асы» имеет свою историю и литературу. Суть ее решения состоит в том, что оба этнонима полиморфны, и одно название может покрывать разные явления и объекты. Так, в понятие «аланы» с их территорией, где они, естественно, доминируют, могли входить и асы, постепенно интегрируясь в этнос алан.

Итак, «Курган Контебе» с его аланскими сокровищами оказался пустым блефом. Но история Иосафата Барбаро в его бытность в Танае содержит ценную информацию не только о присутствии алан в Нижнем Подонье, Крыму, в Приазовье, на Босфоре и этот народ, подчиненный Золотой Орде, как говорилось, отсутствует в списках невольничьих рынков⁶. Разумеется, Монгольская Орда в XIII веке разметала аланское и кипчакское население, оно разбежалось от завоевателей по укромным уголкам Дешт-и-Кипчак. Е. Ч. Скржинская отмечает, что аланы составляли «немалую часть населения Степного Крыма» (Барбаро, 1971, 160, 24) и что аланы-асы сохраняются до нашего времени в осетинах на Кавказе (там же). О рассеянном, не концентрированном расселении алан Причерноморья повествует не менее достоверный источник, нежели Барбаро — аланский епископ Феодор в первой половине XIII века. «Племя — это рассеяно и простирается от Кавказских гор до Иверин (Грузии. — В. К.), древний предел их родины: они возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили почти всю Скифию и Сарматия» (Кулаковский, 2000, 202). Если так было в XIII в., то в XIV в. в Золотой Орде было еще хуже, но по-разному, в разных частях Орды. Для нас важно положение в округе Таны, но почти нет источников.

Завершая текст, курган Контебе с сокровищами некоего аланского царя, хочу подчеркнуть, что нет особых сомнений в том, что эти предания на территории Донской Алании бытовали не по вольной прихоти фантазеров-сказителей. Выше мы уже говорили о богатых могилах не только скифов, ну и их сородичей сарматов и алан, и их вождей. Донская Алания ими популярна. Упоминавшееся погребение в Косики, а также в Кривой Луке I век до н. э. — I века н. э. дают массу золотых художественных вещей, более 200 (Косика). Неудивительно — Донская Алания или Азиатская Сарматия Подонья лежала на стыке Востока и Запада древнеиранской ойкумены, на пересечении дорог и в тесном общении с античным Боспорским царством. Не удивительно и то, что народная молва указала кладоискателям курган Контебе на возвышенном бугре. Видимо, он был цитаделью

⁶ В действительности ряд аланских рабов фиксируется в генуэзских списках, причем большинство из них приходится именно на Тану. См. приложение к статье (*Примеч. ред.* — Б. М.).

городища и его могли использовать для особо значимой могилы. Археологи давно заметили эту особенность местного погребального обряда: население, которое кочевало в этих местах, в качестве замены курганам в погребальных целях использовало естественные бугры Бэра, на вершинах которых и производили захоронения (Дворниченко, Федоров, 1980, 6). Очевидно, шанс у Иосафата Барбаро был, но он не сумел его использовать.

Более точную интерпретацию памятника Контебе по описанию И. Барбаро и его датировку сейчас дать не считаю возможным.

Контебе и аланские проблемы

Тем не менее мнимый «Курган Контебе» нам полезен, ибо он дает нам знать то, что в XV в. если Донская Алания и распалась и вошла во владение Джушидов (а она была не государственной структурой, а территориальным понятием), аланы продолжали существовать на своей территории и после разгрома Золотой Орды Тимуром. Барбаро беспрепятственно прожил в Тане 16 лет и успешно вел свои дела. Но совершенно ясно сохранение аланского самоуправления выступает на фоне присутствия в Тане местного царя алан по имени Индиабу.

Существовала ли Донская Алания как некое, еще неясное даже в основных чертах, военно-политическое объединение позднесарматских-раннеаланских племен Юго-Восточной Европы, примерно 1500 лет, до XV–XVI вв. (но заметим, что хронологические границы здесь размыты, а вопрос не разработан). Монографий по проблеме вообще достаточно, прочная историографическая база, но сравнительное исследование Кавказской и Донской Алании, между прочим как закат былого могущества «древнего мира иранства», мне неизвестно. Донские аланы-танайты физически продолжали существовать и в XV в. сохраняя своего вождя Индиабу, спрятавшего свои богатства так, что сам он не сумел их найти.

Мы ничего не знали об акте константинопольской патриархии XIV от 1347 года, в котором митрополит Алании жалуется на то, что архиерей Сотиропольский отошел от Алании. Но о какой Алании могла идти речь в середине XIV в., когда Аланская епархия на Большом Зеленчуке лежала в руинах? Ответ на этот вопрос дает акт CLXII от 1356 г., который низложил аланского архиерея «обижавшего священников Танаиса Михаила, Николая и Феодора (древние акты, 1867, 448, 449, 452). Эти документы были изучены в классической работе Ю. А. Кулаковского «Христианство у Алан» (Ю. А. Кулаковский, 2000 186, 187). Священники из города Таны (Tavaitai, Танайты) протопоп Михаил, пресвитеры Николай и Феодор пожаловались

патриарху Филофею. Аланский митрополит Симеон был наказан за коррупцию (там же). В деле участвовали свидетели-горожане Таны, очевидно, тоже аланы. В этом был уверен Ю. А. Кулаковский (там же, 188).

Таким образом в XIII–XIV вв. в Тане была не только диаспора алан во главе с «предводителем» и алдаром Индиабу, но и Аланская церковь, входившая в структуру Аланской епархии, а протопоп Михаил, суффраган Таны в организационной структуре Аланской епархии.

Бросается в глаза отсутствие у Иосафата Барбаро каких-либо упоминаний о христианской общине Таны. Возможно, около XV века она уже распалась. Нет ни слова о священниках Таны, была ли церковь в городе (см.: Зверев, 1896, 332 выступление Ю. А. Кулаковского).

Замечание Ю. А. Кулаковского по докладу священника С. Е. Зверева в 1886 году несмотря на почтенный возраст, полна смысла. Возможно ли была такая постановка вопроса применительно к нижнему Дону XV в.? Вероятно, что Ю. А. Кулаковский при его профессиональных историко-ведческих возможностях мог иметь в своем распоряжении материалы, неизвестные нам в веке XX? *Где архив этого выдающегося ученого?*

В контексте этих поисковых рассуждений хочу добавить важный факт документального значения. Барбаро, судя по его собственным признаниям, изъездил всю страну и не только Донскую, но и Кавказскую Аланию. Для него это одна монолитная страна, а не та динамично-дисперсная экономическая общность, о коей мы уже говорили. Мне представляется, что степь между Доном и Кубанью была зоной стыка между донской и кубанской агломерациями аланских археологических памятников-городищ, с мощными культурными слоями и громадными катакомбными могильниками (например Змейский могильник).

На этой территории господствовали с середины XI в. так называемые «донские половцы». По С. А. Плетневой, на востоке их кочевья доходили до Волги, их сосредоточение на Дону и его притоках, еще две группировки половцев находились в Предкавказье и в Крыму. В местах зимовок возникли «небольшие городки» среди алан и болгар, ранее входивших в Хазарский каганат.

«Городки» русская летопись первой половины XII в. «Повесть временных лет» (под 1116 г.) связывает с городками донских алан Сугров, Шарукан и Балин (Повесть временных лет, 201). «В се же лето посла Володимер сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяша три грады: Сугров, Шарукан, Балин. Тогда же Ярополк приведе собе жену красну велми, Ясыского князя дщерь полонив» (там же). Как видим, аланы населяли «городки» и очевидно, достаточно плотно, если там сидел их князь, а не половецкий. Это второй сармато-аланский вождь, первый уже известный нам аланский алдар Индиабу в Тане.

По Великому шелковому пути через Западную Аланию двигались различные товары, оседавшие в местных могильниках. Пример-знаменитый скальный могильник VIII–IX вв. «Мощевая балка» в ущелье р. Большая Лаба (Иерусалимская, 2012). В ущелье есть могильник, но нет рынка, а поселение выполняло функции последней станции перед преодолением перевала Санчаро и выходом купеческих караванов в Абхазию. Я полагаю, зная материал о Нижне-Архызском городище X–XII вв., что в этом городище находилась Аланская епархия Константинопольской патриархии (Кузнецов 2002 45–63; Малахов, 2015, 68–72), следовательно город был средоточием трех конфессий — христианства, мусульманства, язычества. Пути в Нижний Архыз удобные и безопасные, вдоль них во многих местах стояло множество придорожных крестов, что считалось в Европе следствием византийского влияния (Сперанский, 1895, 393–413). Часть этих каменных крестов стояла на плитах-основах с отверстием. Именно такой плитой, одним концом вставленной в плиту-основу, была знаменитая Зеленчукская плита XI–XII вв. из Верхнего Архыза. Историографический компендиум с множеством рисунков недавно опубликован А. А. Туаллаговым (Туаллагов, 2015). Еще одним фактом и тоже известным, является пятигорский Дука-Бек, хотя это не плита, а объемное изваяние со спорной датой XVI в. (Кузнецов, 1999). Не буду приводить все артефакты, они есть. Для Алании самая восточная известная мне находка, это прекрасный, явно позднесредневековый, Морахский крест в Южной Осетии (Кударгом). Фотография опубликована на обложке монографии М. Э. Мамиева (Мамиев, 2014). Действительно можно сказать, что Алания, особенно Западная, может быть названа страной крестов.

Заключение

В начале этой статьи была приведена цитата одной из глав труда М. И. Артамонова «История хазар», 1962 г. о хазаро-аланских отношениях. По авторитетному мнению М. И. Артамонова, аланская археологическая культура относится к числу наилучше изученных культур СССР (Артамонов, 1962, 361). Безусловно, это была высокая оценка достижений Отечественной науки.

В 2003 году, не менее авторитетный каталонский учёный Агусти Алемань высказывается о том, что потенциальные возможности научного алановедения столь обширны, что написание истории алан «на сегодняшний день выходит за пределы возможностей для любого ученого», если он будет стремиться к объективности (Алемань, 2003, 28).

Наконец, исследователь из США, Бернард С. Бахрах в 1973 году издал свой труд «История алан на западе» (Bachrach, 1973), вызвавшую среди

специалистов неоднозначные оценки. Я их здесь не касаюсь, но замечу, что Бахрах счел важным отметить новаторские идеи двух выдающихся русских историков-иммигрантов — М. И. Ростовцева и Г. В. Вернадского, обративших внимание русской, советской науки на глубокое значение концепции этих ученых об историческом синтезе двух древних цивилизаций: греческой и иранской, и их влияние на Русь и Кавказ.

Не углубляясь в детали, подчеркну вывод Бернарда С. Бахраха: «как уникальный феномен в истории Западной Европы, аланы давно заслужили, чтобы их история была исследована» (Кузнецов 1992, 30–31).

Так кому верить: М. Артамонову или А. Алеманю с их радикализмом? Думается, ближе к истине Б. Бахрах, продолжающий традицию М. И. Ростовцева и Г. В. Вернадского (Черчесова, 1992, 87).

Как часто бывает, истина лежит посередине.

В таком случае допустимо предположить, что И. Барбаро мог посетить крупнейший в Алании в X–XII вв. христианский центр в ущелье Большого Зеленчука, Нижне-Архызское городище X–XII вв (Кузнецов, 2017), кстати здесь и могли проходить местные ярмарки.

В пользу этих предположений говорит еще один факт подтверждающий достоверность рассказа И. Барбаро. Характеризуя Аланию, венецианец свидетельствует, что «там есть множество курганов <...> каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест, сделанный из другого, цельного камня».

Это действительно так, и характерно больше для Западной, Верхнекубанской Алании. Именно это крепление имеет знаменитая Зеленчукская плита с надписью XI в. на дигорском диалекте осетинского языка (Миллер, 1893; подробный исторический анализ А. А. Туаллагов, 2015). Плита имела в нижнем конце штырь для постановки плиты в каменную базу, но ее на рисунке Д. М. Струкова нет. Известный памятник в виде воина «Дука-Бек» под Пятигорском также поставлена на каменную четырехугольную основу (Известия, 1876, табл. 9); на восточном притоке Верхней Кубани, р. Индыш, есть городище построенное из тесаных плит песчаника, здесь же лежала плита с круглым отверстием, очевидно для установки какого-то предмета (Федоров 1969, 115).

Заканчивая свои рассуждения о Донской Алании я должен отметить, что остались нерешенными и не обсужденными весьма существенные вопросы относительно вероятного взаимодействия отдельных аланских этнообразований, находившихся на различном территориальном удалении друг от друга. На первый план здесь выходят внутренние связи между:

а) Донская Алания и Кавказская Алания, как вероятная метрополия;

б) Донская Алания и аланская группа носителей салтово–маяцкой археологической культуры (СМК) VIII-IX вв., территориально очень близкая к Донской Алании, но вероятно суверенная, ибо в начале X века аланы СМК вернулись в Кавказскую Аланию, Кисловодскую котловину, факты реальны, но письменные источники молчат.

Есть схожие ситуации и с христианизацией Донской Алании, данные о проникновении в нее и в Кавказскую Аланию католических миссионеров из ордена кармелитов в XIII-XIV вв., а также следы их миссионерства в археологических фактах.

Что касается фигуры, Иосафата Барбаро, то он нуждается в дополнительном изучении, но уже сейчас очевидно, что дальнейшее умалчивание его заслуг в становлении европейской археологии недопустимо.

Рассмотрение вопроса о Донской Алании и судьбе алан танаитов в XIV-XV вв. неизбежно приводит к изучению деятельности итальянских купцов из «Морских республик» — Венеции и Генуи, и в первую очередь, колоритной фигуры Иосафат Барбаро.

Наше обращение к труду Барбаро «Путешествие в Тану» показало, что он игнорировался историками незаслуженно. Трудно понять почему? Почему такой достоверный источник по аланской проблеме не работает; ведь именно этот период — XV в. очень слабо разработан. Нам, кавказоведам, важно то, что этот образованный, наблюдательный европеец за 16 лет пребывания в Тане хорошо узнал страну пребывания, ее население, язык, фольклор, веру и культуру.

Целью моей работы была еще одна страница в истории, теперь уже поздних алан, в золотоордынский и последующий период XV в. на территории Донской Алании, которая не была сокрушена вторжением Тамерлана в 1395 г. и продолжала существовать в состоянии разрухи и депопуляции, но с сохранением власти местного царя или вождя (алдара?). По преданиям, им в курган Контепе был зарыт клад, для ограбления которого **Барбаро организовал первую в Европе археологическую экспедицию в 1438 г.**, а родиной этой новации в исторической науке стала земля Донской Алании.

ЛИТЕРАТУРА

Алемань, А. (2003). *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*. Москва: Менеджер.

Кошеленко, Г. А., Кругликова, И. Т., Долгоруков, В. С. (1984). *Античные государства Северного Причерноморья*. Москва: Наука.

Артамонов, М.И. (1962). *История хазар*. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа.

Афанасьев, Г. Е. (1993) *Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона*. Москва: Наука.

Скржинская, Е. Ч. (1971) *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* Ленинград: Наука.

Бахрах, С. Бернард. (1993) *Аланы на Западе (от первого их упоминания до раннего средневековья)*. Москва, Ард.

Буданова, В. И. (1990) *Готы в эпоху великого переселения народов*. Москва: Наука.

Даньшин, Д. И. (1990) Танаиты и танайцы в I-III вв. н.э. КС ИА АН СССР, вып. 197.

Дворниченко, В. В., Федоров-Давыдов, Г. А. (1989) *Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. Москва: Наука.

Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю. ЗООИД, т. VI. Одесса, 1867.

Зверев, С. Е. (1896) *Следы христианства на Дону в домонгольский период*. Археологические известия и заметки, издаваемые императорским археологическим обществом, т. IV, № 9–10.

Иерусалимская, А. А. (2012) *Мощевая балка. Необычный археологический памятник на северокавказском пути*. СПб.

Известия Императорского Русского археологического общества (1876), том VIII, вып. 1. СПб.

Казакова, Л. М. (1968) *Танаис — Ростов н/Д*: Ростовское книжное издательство.

Калоев, Б. А. (1963) *В. Ф. Миллер — Кавказовед, исследование и материалы*. Орджоникидзе: СОКИ.

Ковалевская, В. Б. (2005) *Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.* Москва.

Коробов, Д. С. (2019) *Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика*. М.–СПб: Нестор-История.

Кузнецов, В. А. (1971) *Алания в X-XIII вв.* Орджоникидзе, «Ир».

Кузнецов, В. А. (1992) *Очерки истории алан*. Владикавказ: Ир, 1992.

Кузнецов, В. А. (1999) *Изваяние «Дука-Бек» (историко-археологические проблемы) // Историко-археологический альманах*. Армавир. М.: Армавирский краеведческий музей. Вып. 5.

Кузнецов, В. А. (2002) *Христианство на Северном Кавказе до XV в.* Владикавказ: Ир.

Кузнецов В. А. (2016) *Древности Алагирского ущелья*. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016.

Кузнецов, В. А. (2017) *Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X-XII веках*. Пятигорск: Снег.

Кузнецов, В. А. (2019) *Змейские аланы, погребальный обряд и религия*. Владикавказ: Изд. Гассиева

Кузнецов, В. А. (2020) *Кто мы? Осетины — аланы Кавказа. Мин-во РСО-А по вопр. нац. отношений ; ФГБУН ФНЦ «Владик. научн. центр РАН» ; [науч. ред. А. А. Цуциев]* — Владикавказ : Ир.

- Кулаковский, Ю. А. (2000) *Избранные труды по истории аланов и Сарматии. Составление, вступительная статья, комментарии и карта С. А. Перевалова*. СПб.: Алетейя
- Латышев, В. В. (1893) *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. 1, вып. 1*. СПб.
- Малахов, С. Н. (2015) *Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей*. М., 2015.
- Мамиев, М. Э. (2014) *Аланское православие: история и традиции*. М.: СЕМ, 2014.
- Миллер, В. Ф. (1893) *Древнеосетинский памятник из Кубанской области*. МАК, вып. III, М.
- Монгайт, А. Л. (1974) *Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века*. М., «Наука».
- Расторгуева, В. С. (1979) *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. Отв.ред. // М.
- Повесть временных лет (1950) ч. 1. М.-Л.
- Ростовцев, М. И. (1918). *Эллинизм и иранство на юге России. Общий очерк*. Пг.: «Огни».
- Скрипкин, А. С. (1990) *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов.
- Скрипкин, А. С. (1996) *К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры*. ВДИ. № 1.
- Сперанский, М. Н. (1895) *Придорожные кресты в Чехии и Моравии и византийское влияние на Западе // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. № 12*.
- Страбон (1964) *География в 17 книгах*. Перев. Г. А. Стратановского. Л., «Наука».
- Туаллагов, А. А. (2015) *Зеленчукская надпись*. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А.
- Федоров, Я. А. (1969) *Аланское городище и могильник Джашырын-кала в верховьях Кубани // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии: в 3-х т. Орджоникидзе: СОНИИ. Т. II*.
- Черчесова, М. Д. (1992) *Бернард С. Бахрах и его «История алан на Западе» Аланы. Западная Европа и Византия. (Alanica — I)*. Владикавказ: 1992.
- Шелов, Д. Б. (1972) *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*. М.
- Ястребицкая, А. Л. (1978) *Западная Европа XI—XIII веков*. М., Искусство.
- Bachrach, B. S. (1973) *A History of the Alans in the West: from their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages (Minnesota Monographs in the Humanities, 7)*. Minneapolis: University of Minnesota Press (London: O.U.P.).
- Kazanski M., Mastikova A., 1999. *Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation de la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua, Âd. 5*.
- Kiepert H. (1861) *Atlas Antiquus*. Berlin.
- Rostovtzeff, M. J. (1922) *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.

REFERENCES

- Aleman', A. (2003). Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh. Moskva: Menedzher.
- Koshelenko, G. A., Kruglikova, I. T., Dolgorukov, V. S. (1984). Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ia. Moskva: Nauka.
- Artamonov, M. I. (1962). Istoriia khazar. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha.
- Afanas'ev, G. E. (1993) Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniia basseina Srednego Dona. Moskva: Nauka.
- Skrzhinskaia, E. CH. (1971) Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh sviazei v XV v. Leningrad: Nauka.
- Bakhrakh, S. Bernard. (1993) Alany na Zapade (ot pervogo ikh upominaniia do rannego srednevekov'ia). Moskva, Ard.
- Budanova, V. I. (1990) Goty v epokhu velikogo pereseleniia narodov. Moskva: Nauka.
- Dan'shin, D. I. (1990) Tanaity i tanaity v I–III vv. n.e. KS IA AN SSSR, vyp. 197.
- Dvornichenko, V. V., Fedorov-Davydov, G. A. (1989) Pamiatniki sarmatskoi aristokratii v Nizhnem Povolzh'e. Sokrovishcha sarmatskikh vozhdai i drevnie goroda Povolzh'ia. Moskva: Nauka.
- Drevnie akty Konstantinopol'skogo patriarkhata, otnosiashchiesia k Novorossiiskomu kraiu. ZOOID, t. VI. Odessa, 1867.
- Zverev, S.E. (1896) Sledy khristianstva na Donu v domongol'skii period. Arkheologicheskie izvestiia i zametki, izdavaemye imperatorskim arkheologicheskim obshchestvom, t. IV, no 9–10.
- Ierusalimskaia, A. A. (2012) Moshchevaia balka. Neobychnyi arkheologicheskii pamiatnik na severokavkazskom puti. SPb.
- Izvestiia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (1876), tom VIII, vyp. 1. SPb.
- Kazakova, L. M. (1968) Tanais — Rostov n/D: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Kaloev, B. A. (1963) V. F. Miller — Kavkazoved, issledovanie i materialy. Ordzhonikidze: SOKI.
- Kovalevskaia, V. B. (2005) Kavkaz — skify, sarmaty, alany I tys. do n.e. - I tys. n. e. Moskva.
- Korobov, D.S. (2019) Alany Severnogo Kavkaza: etnos, arkheologiya, paleogenetika. M.–SPb: Nestor-Istoriia.
- Kuznetsov, V. A. (1971) Alaniia v X–XIII vv. Ordzhonikidze, «Ir».
- Kuznetsov, V. A. (1992) Ocherki istorii alan. Vladikavkaz: Ir, 1992.
- Kuznetsov, V. A. (1999) Izvaianie «Duka-Bek» (istoriko-arkheologicheskie problemy) // Istoriiko-arkheologicheskii al'manakh. Armavir. Moskva: Armavirskii kraevedcheskii muzei. Vyp. 5.
- Kuznetsov, V. A. (2002) Khristianstvo na Severnom Kavkaze do XV v. Vladikavkaz: Ir.

- Kuznetsov V. A. (2016) Drevnosti Alagirskogo ushchel'ia. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2016.
- Kuznetsov, V. A. (2017) Nizhnii Arkhyz i rannee pravoslavie. Alanskaia eparkhiia v X–XII vekakh. Piatigorsk: Sneg.
- Kuznetsov, V. A. (2019) Zmeiskie alany, pogrebal'nyi obriad i religiia. Vladikavkaz: Izd. Gassieva
- Kuznetsov, V. A. (2020) Kto my? Osetiny — alany Kavkaza. Min-vo RNO-A po vopr. nats. otnoshenii; VSC «Vladik. nauchn. tsentr RAN»; [nauch. red. A. A. TSutsiev] — Vladikavkaz : Ir. Kulakovskii, IU.A. (2000) Izbrannye trudy po istorii alanov i Sarmatii. Sostavlenie, vstupitel'naia stat'ia, kommentarii i karta S. A. Ilerevalova. Sankt-Peterburg : Aleteiia
- Latyshev, V. V. (1893) Izvestiia drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze, t. 1, vyp. 1. Spb.
- Malakhov, S. N. (2015) Alaniia i Vizantiia. Istochnikovedcheskie aspekty politicheskikh i tserkovnykh sviazei. M., 2015.
- Mamiev, M. E. (2014) Alanskoe pravoslavie: istoriia i traditsii. Moskva: SEM, 2014.
- Miller, V. F. (1893) Drevneosetinskii pamiatnik iz Kubanskoii oblasti. MAK, vyp. III, M.
- Mongait, A. L. (1974) Arkheologiia Zapadnoi Evropy. Bronzovyi i zheleznyi veka. M., «Nauka».
- Rastorgueva, V. S. (1979) Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskii iazyki. Otv. red. // M.
- Povest' vremennykh let (1950) ch. 1. M.-L.
- Rostovtsev, M. I. (1918). Ellinstvo i iranstvo na iuge Rossii. Obshchii ocherk. Pg.: «Ogni».
- Skripkin, A. S. (1990) Aziatskaia Sarmatiia. Problemy khronologii i ee istoricheskii aspekt. Saratov.
- Skripkin, A. S. (1996) K voprosu etnicheskoi istorii sarmatov pervykh vekov nashei ery. VDI. no 1.
- Speranskii, M. N. (1895) Pridorozhnye kresty v Chekhii i Moravii i vizantiiskoe vliianie na Zapade // Arkheologicheskie izvestiia i zametki, izdavaemye Imperatorskim Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom. no 12.
- Strabon (1964) Geografiia v 17 knigakh. Perev. G. A. Stratanovskogo. L., «Nauka».
- Tuallagov, A. A. (2015) Zelenchukskaia nadpis'. Vladikavkaz: IPTS SOIGSI VNTS RAN i RSO-A.
- Fedorov, IA. A. (1969) Alanskoe gorodishche i mogil'nik Dzhashyryn-kala v verkhov'iakh Kubani // Materialy po arkheologii i drevnei istorii Severnoi Osetii: v 3-kh t. Ordzhonikidze: SONII. T. II.
- Cherchesova, M. D. (1992) Bernard S. Bakhrakh i ego «Istoriia alan na Zapade» Alany. Zapadnaia Evropa i Vizantiia. (Alanica — I). Vladikavkaz: 1992.
- SHelov, D. B. (1972) Tanais i Nizhnii Don v pervye veka nashei ery. M.
- Yastrebitskaia, A. L. (1978) Zapadnaia Evropa XI—XIII vekov. M., Iskusstvo.

Борис Мысыккаты

независимый исследователь,

Малага, Испания

E-mail: boris.mysykkaty@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9011-4658>

СВЕДЕНИЯ ИОСАФАТА БАРБАРО ОБ АЛАНИИ И АЛАНАХ

Кроме подробно рассмотренных В. А. Кузнецовым сведений о Донской Алании, содержащихся в главах 7-ой по 12-ую, в труде И. Барбаро содержатся также другие весьма ценные данные об аланах, которые, пользуясь случаем, считаю необходимым привести и прокомментировать в этом небольшом приложении, сопоставляя их, там где это возможно с другими историческими сведениями его современников, а также синхронным картографическим материалом, в первую очередь «Картой мира» Фра Мауро.

Дополнительные сведения И. Барбаро о Донской Алании

В самом начале повествования в 5-ой главе труда И. Барбаро есть географический пассаж с описанием «Равнины Татарии» (*La pianura de Tartaria*), с востока она граничит с р. Волга (*e fiume de Ledil*), с запада и северо-запада с Польшей (*la Polonia*), с севера с Россией (*la Rossia*), границами южного рубежа, «там где земли обращены к Черному Морю (*el mar Mazor*)», выступают Алания (*la Alania*), Кумания (*Cumania*) и Газария (*Gazaria*). Последние страны все граничат с Азовским морем, т.е. под наименованием Алании речь не может идти сугубо об общеизвестной средневековой северокавказской Алании. Газарией (Хазарией) итальянцы именовали восточную часть Крыма, надо полагать здесь речь идет о юго-западном приазовском побережье. Под Куманией, «население которой получило свое имя от племени Куманов», подразумевается степная область, прилегающая к северным побережьям Азовского моря. В таком случае Алания теоретически могла прилегать к Азовскому морю как с восточного, так и с северо-восточного побережья, совпадающего с устьем Дона и местонахождением самого города Тана. Именно в этом направлении на расстоянии 60 миль по руслу реки, двигаясь от Таны, находился пресловутый

курган Контебе аланского князя Индиabu [Барбаро 1971: 114, 137–138, 154, 178]. О подобном расположении алан приазовья сообщает и более поздний источник, Франческо Тьеполо, в 1560 г., находившийся в Москве послом Венецианской республики. Он пишет, что от города Таны до устьев реки Волги живут чиркассы и аланы [Аннинский 1940: 328]. И действительно, на всемирно известной карте мира Фра Мауро, в Приазовье, к югу от Таны (*la tana*) и р. Дон, фиксируется провинция Ассов (*p. Asse*).

Фрагмент 1. Кубано-Приазовская низменность: к югу от р. Дон изображен г. Тана. Южнее между р. Ея и Кубанью помещена провинция ассов. Западнее от нее, на восточном побережье фиксируется укрепленный пункт Пессо

О титулатуре Индиabu

Барбаро именует Индиabu «синьором этих алан» (*Indiabu, signor de questi Alani*). Для средневекового итальянца данный термин вполне соотносим с титулом князя, феодального правителя, поскольку средневековый *signore* «владыка, господин, феодал» — это не просто местный элитарий, а лицо в руках которого сосредоточивается вся гражданская и военная власть итальянских городов-государств эпохи Возрождения. Впрочем, как И. Барбаро,

так и А. Контарини именуют тем же термином различных высокопоставленных персон: правителя Дербента; принца чингизида, восставшего против великого хана; правителя приазовских адыгских племен; князя Мингрелии; татарских правителей Крыма (*signor della campagna dell'insula de Capha*), отличая их при этом от великого хана (*el gran can*); Ширваншаха (*signore Sivansa, signore della Media*); московского великого князя (*signor duca di Moscovia; signor della Gran Rossia Bianca*), даже Иисуса Христа (*signor Iesu Christo*) и Бога (*signor Dio*) [Барбаро 1971: 114, 115, 117, 118, 128, 130, 193, 197, 202]. Принимая во внимание эти данные и приведенные в конце издания трактовки слов *signor* и *signorotto* как «владыка, правитель», а *segnorezare* и *signorezare* «править, владеть (народом, страной)», то титул алана Индиabu вполне очевиден, по всей видимости он был именно «правителем алан», населяющих территориальную единицу, именуемую Аланией, входившую в состав уже распадающейся Золотой орды. Аналогичную трактовку дает издание трудов И. Барбаро 1836 г., в котором В. И. Сименов именует Индиabu «Аланским Государем». И все же, какой именно титул мог носить в действительности этот государь и его государство? Данную деталь уточняет не кто иной, как его собственный внук, крымский хан Менгли Гирей (1445–1515), который в письме к Ивану III Васильевичу пишет, что его мать, супруга хана Хаджи Гирея, была княжеской дочерью: «моей матери царицинь отецъ Индіаву князь» [Зайцев 2014, 143–144]⁷. Из чего явствует, что небольшое по меркам Золотой орды государство Донская Алания, было ничем иным, как «Аланским княжеством», аналогичным синхронному ему готаланскому Княжеству Феодоро в Крыму). Напротив, бывшая метрополия аланского государства на Кавказе утратив свою государственность после монгольских завоеваний и разорительных походом Тамерлана, управлялась местными мелкими князьками (*signorotti*) [Криштоп 1970: 116–117]⁸.

Сведения И. Барбаро о Западной Алании на Кавказе

Прикубанскую Западную Аланию на Северном Кавказе упоминает И. Барбаро в 42-ой главе в отдельном пассаже, посвященном описанию че-

⁷ Любезно сообщено К. Ю. Рахно, также указавшим автору ряд других ценных источников.

⁸ Именами этих князей XV в. владычествующих на территории исторической Кавказской Алании мы не располагаем. Последними крупными фигурами являются, противостоящие Тамерлану в конце XIV в. аланские лидеры Буриберди и Буракан, братья Таус и Кулу, Пулад, Гаюрхан [Кузнецов 1992: 348].

редующихся народов, населяющих восточные побережья Азовского и Черного морей, а также степи и предгорья западной половины Северного Кавказа (область Кремук, Кипке, Татаркосия, Собаи, Кевертеи). Заклывает данный список, перечисляющий народы, встречающиеся на пути в южном направлении от устья Дона (Таны) в сторону Мингрелии, этноним «Асы или Аланы, о которых мы говорили выше» (*As zoe Alani, di quali habbiamo parlato di sopra*). При этом по комментарию самого Барбаро, все эти страны не сильно удалены друг от друга, но говорят в них на различных языках (*paesi de diverse lengue*). В 45-ой же главе, описывая свое возвращение из Мингрелии в Тану, Барбаро упоминает важную деталь: «я перехожу реку, где раньше была Алания (*passo el fiume, dove era la Alania*), как я сказал об этом выше, и двигаюсь направо вдоль берега Забакского моря»⁹. Этой рекой, о которой он на самом деле больше нигде не упоминает, может быть лишь Кубань, которую необходимо преодолеть, чтобы прибыть по восточному побережью Азовского моря к устью Дона, где находилась Тана [Барбаро 1971: 128, 153].

Издание 1836 г. трактует приведенные племена следующим образом: Кремук — Темрюк, Кипке — шапсуги, Татаркосия — темиргойцы и бисленейцы, Собаи — абазы, Кевертеи — кабардинцы, Асы — «нынешние Осетинцы». Тем не менее, данный список отождествлений кажется несостоятельным, если его контрастировать с данными «Карты мира» (*Mappamondo*) венецианского монаха Фра Мауро, составленной картографом Андреа Бьянко в 1459 г., который знал данный край не понаслышке, поскольку он был капитаном судна, плававшим в Тану в 1437 г.¹⁰

К примеру, описанные Барбаро владения Кремук не следует отождествлять с ойконимом Темрюк, на карте Фра Мауро эта провинция (*p. Chremuch*) помещена в предгорной зоне Западного Кавказа и вероятнее всего являлась одним из черкесских княжеств, а точнее Темиргоевским феодалным владением на р. Белая и соответствует Белореченской археологической культуре XIV–XVI вв.

Кипке (*Chipche*) соответствует народу кебики (*p. chebich*), расположенного западнее Кермука, на западном берегу Кубани (*fl. Copra*), их этническая принадлежность неизвестна, очевидно это было одно из западно-адыгских племен.

⁹ *Mar delle Zabache*, так средневековые итальянские географы именовали Азовское море, происходящее от татар. Чабак-денгеси, так его называли крымские татары.

¹⁰ Выражаю благодарность К. К. Кочиеву за обращение моего внимания на карту Фра Мауро, а также за ценные наблюдения и советы во время написания данного приложения.

Кевертеи вполне созвучны кабардинцам, восточным адыгам (черкесам), и отражены на карте Фра Мауро к западу от алан, как *cercasi*, изображены близ отдельного горного массива, который несомненно является Пятигорьем, и вполне соответствуя «пятигорским черкассам» русских документов XVII–XVIII вв. Получается, что уже в XV в. восточные адыги переселились и заняли опустошенные монголами аланские земли в районе нынешней предгорной зоны Кабардино-Балкарии. Город, лежащий к северу от алан и к востоку от пятигорских кабардинцев вряд ли может быть чем-то иным, как Верхним Джулатом, бывшей столицей Восточной Алании, известной позже под именем Татартуп и Ирак-и-Дадианом у Э. Челеби, тот самый «славный град Яський Деяков» русских летописей XIII в., находящийся «за рекою за Теркою, под великими горами под Ясскими». Таковую трактовку полностью подтверждают данные из труда Иоганна Шильтбергера (1381–1440), в 36-ой главе «Путешествий по Европе, Азии и Африке» перечисляя страны подвластные Татарии он упоминает «весьма гористую» страну Бештамак, «с главным городом Джулад (*Zulat*)»¹¹. Топоним Бештамак имеет прозрачную тюркскую этимологию и означает буквально «Пятигорловина» т.е. место соединения пяти рек, В. А. Кузнецов помещает урочище Бештамак в районе слияния пяти рек (Терек, Черек, Чегем, Баксан, Малка) в излучине Терека, там где он поворачивает на восток [Кузнецов 1992: 348]¹². Татаркосия (*Tatarcosia*) надо полагать является искаженным вариантом топонима Таркосия, под которым известна Большая Черкесия в трудах Иоанна де Галонифонтибуса (1404 г.), а на карте ей соответствует крупная область Черкассия (*Cercassia*).

¹¹ В 25-ой главе тот же автор снова говорит о Джулате, но уже в качестве наименования самой страны. На пути из Дербента в Великую Татарию путь проходил мимо гористой страны Джулад (*setzulat*) «населенную большим числом христиан, которые там имеют епископство. Священники их принадлежат к ордену кармелитов (*beyerfussen-Ordens*), которые не знают по-латыни, но молятся и поют по-татарски для того, чтобы их прихожане были более тверды в своей вере. Притом многие язычники принимают святое крещение, так как они понимают то, что священники читают и поют».

¹² Правда, следует принять во внимание практическую синонимичность Бештамака и Джулата, поскольку И. Шильтбергер называет гористой страной как Джулат, так и Бештамак, с главным городом Джулат. В таком случае под понятие «Пятигорловина» вполне подходит и само расположение Джулата у Эльхотовских ворот, откуда вытекает из узкой горловины Терек. Дур-Дур, Урсдон, Ардон, собственно Терек и Камбилеевка, сливаются в единый поток перед входом в теснину Аерджынараг, которая и могла вполне именоваться Бештамаком. Тем более, что речь идет о стратегически важном анклав и политическом центре Восточной Алании

Фрагмент 2. Западное Предкавказье: 1. Кавказ (*Chaucaxo*); 2. Кебик (*p. chebich*); 3. Кубань (*fl. cora*); 4. ... (...); 5. Кремук (*p. chremuch*); 6. Черкесия-Таркосия (*Cercassia*); 7. Ассы (*p. asse*); 8. Река Тагаса, Уруп или Лаба (*fl. Tagasa*); 9. Типичное пояснение о Кавказе: «На этой горе говорят бытуют тридцать языков, много религиозных вер и еще больше обычаев»

Что же касается асов или алан (*As zoe Alani*) то на карте Фра Мауро народ ассы (*p. Asse*) помещен не на Кавказе, а занимает северную часть Кубано-Приазовской низменности (см. фрагмент 1), к востоку от побережья Азовского моря, между течением рек отождествляемых без сомнений с Кубанью на юге и р. Ея на севере, севернее ее изображен г. Тана в устье р. Дон¹³. Маловероятно, что данный этноним является чем-то иным, нежели вариантом написания одного из самоназваний алан. Кроме И. Барбаро об этом сообщали многие авторы, к примеру Вильгельм де Рубрук, который пребывая в Крыму в середине XIII в. общался с аланами, «которые именуются там аас» (*Alani qui ibi dicuntur Aas*; варианты: *Aaas*, *Acias*), проезжая же вдоль Кавказа в восточном направлении он пишет, что в величайших горах (*montes maximos*) Кавказа живут «аланы, или аас, которые исповедуют христианскую веру и все еще борются против татар» (*Alani sive Aas qui sunt christiani et adhuc pugnant contra Tartaros*). Иоанн III из Султанийе (Иоанн де Галонифонтибус) (XIV–XV вв.), перечисляя народы

¹³ Вероятнее всего именно эти аланы-асы, населявшие плодородную Кубано-Приазовскую низменность, являлись теми аланами, оказавшими гуманитарную помощь венецианцам во второй половине XIII в. Мартино да Канале сообщает, что в 1268 г. в Италии наступил великий голод. «Государь Лоренцо Тьеполо, дож Венеции, отправил свой корабль морем за 1500 миль от Венеции и повелел закупить хлеб в изобилии и раздать его по всему своему государству». «Что вам расскажу я? Татары, Аланы, Зихи, Руссы, Турки, Армяне и Греки дали в ту пору хлеб венецианцам» [Martin da Canal 1845: 650, 654].

Татарии упоминает, правда по отдельности, ассов (*Assi*) и алан (*Alani*), их же он помещает также у северных горных границ Грузии. Фра К. де Бридиа в его труде 1247 г., перечисляя народы, покоренные татарами, он упоминает и алан, которые называют себя аззами» (*Alani qui dicunt se Azzos*). Аналогичный список представлен в «Истории монголов» Иоанна де Плано Карпини, побывавшего у монголов в середине XIV в., он пишет об «аланах или ассах» (*Alani sive Assi*) и об остатке части алан (*quedam pars Alanorum*), еще не покорившихся монголам, очевидно речь идет об аланах группировавшихся вокруг Дарьяльского прохода и Алагирского ущелья [Алемань 2003: 33–36, 207, 209–210, 212, 216–217, 222]. Все эти данные позволяют видеть в ассах (*asse*) карты Фра Мауро тех самых алан, о которых писал в том числе И. Барбаро¹⁴.

Сведения И. Барбаро о Восточной Алании на Кавказе

Весьма интригующе полное молчание И. Барбаро о притерской Восточной Алании на Северном Кавказе и о Дарьяльском проходе. Описание центральной и восточной частей Северного Кавказа ограничивается сообщением в 52-ой главе о семидневном пути из Тамани (*Tumen*) в Астрахань (*Githercan*), к устью Волги (*Ledil*). Никаких описаний предгорных областей к югу от этого пути не следует. Аналогичное положение имеем с описанием центральной части Южного Кавказа, о которой в главе 62-ой говорится лишь то, что в Грузии (*Zorzania*), кроме Тбилиси (*Zifilis*), есть еще «замок, называемый Гори» (*uno castello, nominato Gori*) [Барбаро 1971: 132, 135–136].

Надо полагать, что данная территория к югу от упомянутой дороги, пересекающей Предкавказье являлась крайне беспокойной и опасной для путешественников и купцов. Это подтверждается небольшим комментарием из другой, не изданной Е. Ч. Скржинской части труда И. Барбаро. Так в описании своего путешествия в Персию автор уточняет, что весь этот участок между Большим и Бакинским морями «полон гор и долин, прекрасно обжитых в некоторых местах несколькими мелкими владетелями (*signorotti*) — нет никого, кто осмелился бы войти в их территории из страха быть ограбленным¹⁵, но в большей части они необитаемы» [Криштоп 1970: 116–117].

¹⁴ В главе 56-ой и 61-ой, Шильтбергер говорит о яссах (*Yassen / Jassen*), которых турки (язычники) называют ас (*Afs / Affs*). Вероятнее всего правильное прочтение этнонима у этого автора все же *Ass*. Аналогичным образом, в арабских источниках аланы часто проходят под этнонимами *al-Ās* и *al-'Allān*, к примеру Ал-Бируни в XI в. говорит о племени аланов и асов (*ġins al-Lān wa'l Ās*) [Алемань 2003: 33, 328, 333].

¹⁵ Побывавший в кавказской Алании венгерский монах Юлиан, оставил красочное достаточно детальное описание ее политической и социальной ситуации. «И наконец по-

Очевидно, речь идет в том числе и о той части алан (*quedam pars Alanorum*), не покорившихся монголам и о которых Рубрук пишет, что в 1254 г.: «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине» [Алемань 2003: 212, 219].

Аналогичным образом косвенные данные, сообщенные современником И. Барбаро, позволяют предположить, что Дарьяльский проход в данный период не функционировал и выпал из основных торговых маршрутов того времени. Так А. Контарини утверждает, что «войти из Татарии в Медию и в Персию невозможно иначе, как через...» Дербент [Барбаро 1971, 216].

Фрагмент 3. Восточное Предкавказье: 1. Каспийские горы (*chaspio*);

2. Железные ворота, Дербент (*porte de ferro*); 3. Гиркания (*hircania*); 4. Тарку (*tarcho*);
5. Река Койсу (?), Сунжа (fl. *coisu*); 6. Пятигорские черкасы, кабардинцы (*cercasi*);
7. Аланы (*alani*); 8. Минеральные воды (*bans*); 9. «Здесь победил Тамерлан татарского императора в битве» (место Битвы на Тереке)

На карте Фра Мауро Кавказ разделен как бы на две половины: западную *Chausaxo* «Кавказские горы» и восточную *Chaspio* «Каспийские горы». Водоразделом изображенной неразрывной горной цепи должна была выступать река Терек, вырывающаяся из Дарьяльского ущелья на Осетинскую равнину. Однако, на карте Терек изображен восточнее и вытекает из «Каспийских гор», впадая в Каспийское море. Одно малое русло, несомненно отождествляемое с р. Сунжа (fl. **coiro*), огибает в восточном на-

пали в страну, что называется Аланией, где христиане и язычники живут вместе. Сколько там селений, столько и князей, и ни один из них не находится в подчинении у другого. Там постоянно продолжается война князя против князя и селения против селения» [Книга странствий 2006: 42].

правлении область Гиркания (*hircania*), соотносимая с Грозненской равниной, и впадает в Каспийское море близ города Тарку, о котором упоминают историки эмира Тимура при описании его похода против золотоордынского хана Тохтамыша, что собственно и присутствует на карте в качестве легенды и локализации (не совсем точной) «Битвы на Тереке» 15-го апреля 1395 г.

Другим основным руслом Терек уходит на север мимо города, отождествляемого с Верхним Джулатом (бывшим Дедяковым/ Татартупом), затем, соединившись в единый поток с р. Кума, вытекающей из Кисловодской котловины и протекающей вдоль Минеральных вод (*bans*) и далее мимо города отождествляемого с историческим Маджаром, затем Терек (*fl. Tercho*) поворачивает на восток и впадает в Каспийское море (*Mare Chaspiu*). Справа от выхода Терека из гор помещена предгорная местность, обитаемая аланами (*alani*). Все эти данные вполне соотносятся с более ранними сведениями армянского географического трактата «Ашхарацуйц» (букв. Карта мира):

«За дигорами находятся аланы в стране Ардоз Кавказских гор, откуда вытекает река Армн, которая, направляясь на север через бесконечные равнины, соединяется с Атлем» [Алемань 2003: 369].

Что же до упомянутых И. Барбаро необитаемых горных ущелий, то на карте Фра Мауро единственным крупным ущельем с выходом оттуда реки на равнину, не занятую каким-либо народом, является, как ни странно, самая лучшая из всех долин: у входа в Кисловодскую котловину этноним отсутствует. Единственным достойным упоминания объектом в этом районе картограф посчитал лечебные источники, соотносимые с Кавказскими Минеральными Водами (*Bans*). Кроме того, на карте обозначено множество входов в горы без обозначения рек, рядом с которыми также не упомянуты никакие племена. Такое положение дел прослеживается буквально от Терека до правобережья Кубани, на западном берегу которой уже помещается первое адыгское племя Кипке.

Вероятно, именно аланы, населявшие эту область, «были изгнаны и разорены татарами» (*furon scazati e destrutti per Tartari*). Куда они были изгнаны? Вполне допустимо, что часть их, вместе с тюркоязычными кунами, ушла в Венгрию и здравствует там по сегодняшний день в лице венгерских ясов (венг. *jasz*). Другая их часть была рекрутирована монголами и ушла в Китай, где под этническим именем асутов (монг. *asud*) своими заслугами они достигли высшие эшелоны военной иерархии при дворе юаньских императоров. Еще одна часть переселилась на южный склон Кавказа, где по сей день именуется грузинами осами (груз. *osi / ovsi*). Несомненно, была какая-то их часть переселившаяся и в близлежащую степную Донскую Аланию, именно она и отразилась на карте Фра Мауро как провинция ассов (*p. asse*) в Кубано-Приазовской низменности.

О рабах и работорговцах аланского происхождения

В. А. Кузнецов в статье пишет, что аланский «народ, подчиненный Золотой Орде, как говорилось, отсутствует в списках невольничьих рынков». Однако, некоторые данные об этом все же есть. Согласно сведениям об аланах, содержащихся в генуэзских работорговческих документах XIV в. приведенных А. Алеманем в главе «4.38. Приложение II: аланские рабы (XIII–XIV вв.)», именно на Тану приходится наибольшее количество зарегистрированных аланских рабов и работорговцев, 8 из 14. При этом, 7 из них зарегистрированы в узких временных рамках с 1359 по 1360 гг. и только один в 1363 г., остальные же 6 нотариальных актов являются разнобойными, как по датам, так и по месту. Автор поясняет, что работорговля в Тане процветала «на протяжении всего XIV века она поддерживалась потребностью в рабочей силе, вызванной эпидемией «Черной смерти» на Западе, и спросом на молодежь для пополнения армий и гаремов мамлюкских султанов Египта» [Алемань 2003, 226–228]. Выявленные данные, быть может, указывают на некие драматические события, происходящие в Донской Алании на рубеже 1359–1360 гг. и совпадающие по времени с началом «Великой Замятни» в Золотой Орде, смуты продолжавшейся с 1359 по 1380 г.

К этимологии оронима Контебе

Пользуюсь словом ороним в силу данных самого И. Барбаро, называющего этот курган или городище словом *monte* «гора» и *monticello* «холм» [Барбаро 1971: 115]. Во втором элементе названия Контебе (*Contebé*) несомненно скрывается тюрк. -тепе «холм, бугор, вершина» (представленный в большом спектре фонетических вариантов: тепе, депе, тюбе, тёбе, тобе (ср. Курган-Тюбе, город в Таджикистане; Геок-Тепе село в Туркмении и пр.)

Этимология первого форманта: предполагаемое тюрк. кум-«песчаный»¹⁶, противоречит данным самого Барбаро, детально описавшего состав верхних слоев раскапываемого объекта [Барбаро 1971: 166]. Автор упоминает всевозможные чередующиеся слои (трава, уголь, пепел, просяная шелуха, рыба чешуя), но упоминаний о наличии песка в труде нет, сам же холм содержал «белый и настолько плотный грунт, что сделали в нем ступеньки, по которым и таскали носилки» [Барбаро 1971: 139–140].

¹⁶ Данный тюркский формант легко читается в наименовании реки Кумы, по которой уже в домонгольское время продвигались тюркские племена печенегов, осваивая плодородную Кисловодскую котловину и вклиниваясь в аланский массив, разделяя де-факто Аланию на западную «кубанскую» и восточную «терскую».

Учитывая, что речь шла о вероятной возвышенной цитаделе городища и о памятнике, имеющем неоспоримую привязку к имени местного аланского государя, быть может первый формант восходит к тюрк. хан «князь», титул феодального правителя, первоначально племенного вождя. В таком случае Хан-тапе могло обозначать как «княжеский курган» (осет. **ældary obaw*), так и «княжескую цитадель» городища, которую как правило занимал сам феодал (ср. осет. *ældary qæw* «княжеское селение» у Коста Хетагурова).

Сведения И. Барбаро о Крымской Алании

В своей статье В. А. Кузнецов по какой-то причине не упомянул крымских алан, также входивших в сложную систему внутренних связей между Донской Аланией и ее кавказской метрополией¹⁷. Между тем, этой Крымской Алании уделено достаточно внимания в труде И. Барбаро, при чем содержат они крайне интересные сведения. Географическое описание Крымской Алании автор дает в 51-ой главе: «Далее за Кафой, по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней — Алания (*e poi la Alania*), которая тянется по «острову» в направлении к Монкастро» [Барбаро 1971: 157]¹⁸.

Описанные здесь границы Готии вполне совпадают с расположением функционировавшего в ту эпоху православного осколка византийских владений в Крыму, Княжества Феодоро, также именуемого Готфией, территория которого действительно простиралась к западу от Каффы (совр. Феодосия), занимая практически всю южную часть полуострова, за исключением ряда прибрежных территорий, контролирующихся Генуэзской республикой. Что же касается Крымской Алании, то согласно Барбаро ее территория находилась «за Готией» и простиралась в сторону северо-запада полуострова, в направлении к Монкастро (совр. Белгород-Днестровский). Данное описание несомненно следует понимать не буквально, будто Крымская Алания распространялась вплоть до Днестровского лимана, а расценивать в качестве ориентира. Следовательно, речь идет о центральной части и юго-западном побережье Крыма, которое действительно на-

¹⁷ В 7-ой главе своей работе «Очерки истории алан» В. А. Кузнецов рассмотрел практически весь имеющийся на тот момент материал по аланам в Крыму, сведения И. Барбаро включительно, вероятно по этой причине в данной работе он этот вопрос даже не озвучил [Кузнецов 1992: 127-141].

¹⁸ В 6-ой главе «Повести монаха Бенедикта» перечисляется население Крыма: «по правую руку земли саксов, которых мы считаем готами, и они христиане; затем аланов и они христиане, затем газаров — и они христиане». И так, западнее (и южнее) всего находятся готы, следующими упомянуты аланы, видимо севернее первых, за ними идут хазары, надо полагать занимающие восточную часть полуострова [Книга странствий 2006: 75].

правлено по диагональной линии к северо-западу, в сторону устья Днестра. Впрочем, эта территория частично относится к степному ландшафту полуострова, что противоречит данным самого И. Барбаро, уточняющего, что степной Крым был татарской подконтрольной территорией. Так в 46-ой главе автор пишет, что «Степь на «острове Каффы» подвластна татарам. Их правителем является Улуби сын Азихарея. Татар очень много, и при надобности они могли бы поставить от трех до четырех тысяч конников. У них есть два поселения, обнесенные стенами, но не представляющие собой крепостей. Одно — это Солхат, который они называют Инкремин, что значит «крепость», другое Керкиарде, что на их наречии означает «сорок селений»». Если Солхат (совр. Старый-Крым) находится в восточной части полуострова к западу от Каффы, то Керкиарде соотносится с укрепленным городищем Кырк-Ер, позже известным как Чуфут-Кале, находившимся на возвышенном горном плато близ Бахчисарая. Получается, одно из основных татарских поселений оказывается прямо на территории отводимой самим же Барбаро готам и аланам¹⁹. Как это объяснить? Все просто, крепость Кырк-Ер издавна была населена аланами и являлась их основным оплотом, на что указывают как археологические факты, так и письменные источники. В 1299 г. она была взята штурмом монголами и разорена, а затем стала заселяться татарами, став в конечном итоге одним из основных центров Крымского ханства. Правда, еще в первой половине XIII в. арабский географ Абу'л-Фида упоминает народ асов среди населения проживающего в неприступной крепости К-р-к-р. На то же указывает более поздний турецкий историк Зенбилли Али-эфенди, который, описывая Крым, вспоминает, что «Кырк-Эр есть крепость из городов ассских на севере от Сары-Кермана». Впрочем, это уже не было независимое княжество: Марино Санудо Старший докладывал французскому королю Филиппу IV в 1334 г., что среди зависящих от татар народов есть и крымские готы с небольшим числом алан [Кузнецов 1992: 136]²⁰. Правда в начале XV в., во время децентрализации власти в Золотой Орде, крымские аланы все же пытаются вновь обрести независимость, о чем сообщает турецкий историк

¹⁹ Второе также имело аланское население, о чем упоминает Ибн Абдеззахыр во второй половине XIII в. [Кузнецов 1992: 127–139].

²⁰ Эти три источника отсутствуют в труде А. Алеманя [Алемань 2003]. В ходе работы над этим приложением, автору данных строк стала очевидна необходимость в историко-лингвистическом компилятивном труде, в котором бы были собраны и прокомментированы, аналогично труду А. Алеманя, все источники по аланам относящиеся к XIV–XVI вв., поскольку это крайне значимый период для осетиноведения, ведь именно в этот период происходит окончательный этногенез и формирование традиционной культуры осетин Центрального Кавказа

XVIII в. Сейид-Мухаммед Риза ал-Кырыми, который располагал более ранними письменными источниками. В прошлом в крепости «Кырк-Ера проживали аланы (асы) — гяуры, оказавшие неповиновение татарам. Один из потомков Чингиз-Хана Шейбек-Хан (правил с 1400 по 1408 гг.) после долгой осады захватил крепость». Результатом стало изгнание алан из крепости, ставшей в середине XV в. столицей Крымского ханства [Сланов 2016: 67].

Фрагмент 4. Крымский полуостров и Боспорский пролив: К северу от г. Херсонес Таврический (*cresona*) фиксируется провинция готов (*p. Goti*), а к северу от нее аланы (*alani*)

На карте Фра Мауро, практически синхронной сведениям И. Барбаро, обозначена провинция Готов (*p. Goti*), а за ней помещены аланы (*alani*) на юго-востоке полуострова (на изображении Керченский пролив слева, Перекопский перешеек внизу). Не совсем понятно обозначены ли эти народы смешанно или по отдельности, поскольку Аланию на Северном Кавказе картограф также пишет не как *Goti* с большой буквы, а с маленькой *alani* (см. выше фрагмент карты) и аналогичным образом без обозначения ее как отдельной провинции (*P.*). Не исключено, что на карте обозначен уже смешавшийся этнос готаланы, тогда на карте следует читать *p. Gotialani* (см. ниже).

В своих сведениях И. Барбаро упоминает четыре владения, на которые делится Крымский полуостров. Татары, несмотря на то что владели всем полуостровом, в основном занимали степную его северную половину. Восточная часть именовалась Газарией. Там на берегу Феодосийского залива находился важный торговый город Каффа, генуэзцы, с согласия татар,

контролировали его и целую цепочку крепостей на юго-восточном побережье²¹. Юго-западную часть Крыма, за исключением части побережья, занимала Готия (Γοθία) или Княжество Феодоро (Θεοδόρο), со столицей в городе Дорос (совр. Мангуп) и управляемая собственным князем. Что же до алан, то они по всей видимости занимали территорию севернее Готии и основным их центром, до завоевания татарами, был укрепленный город Кырк-Ер (Чуфут-Кале)²². Не исключено и их присутствие вдоль западного крымского побережья, на что указывают как сведения И. Барбаро, так и карта Фра Мауро.

Соответствуют ли данные и локализация Крымской Алании в юго-западной части Тавриды действительности? Приведу небольшой пересказ, хорошо известных данных о крымских аланах, собранных и изложенных В. А. Кузнецовым еще в 1984 г., которые полностью подтверждают предложенную выше трактовку как карты, так и сведений И. Барбаро.

Продвижение алан в Крым шло по двум направлениям, через Босфорский пролив, оседая преимущественно в юго-восточной его части, и с севера через Перекопский перешеек, оседая в юго-западной части полуострова. В этих районах с первых веков н.э. появляются прибрежные города с иранской этимологией их названий: в восточной части это Ардава «Семибожная» (совр. Феодосия) и Сугдак «Чистый» (совр. Судак), в западной это Дандака «Зуб, клык» (Усть-альминское городище к северу от Херсонеса) [Кузнецов 1992: 127–129].

Именно в юго-западной части Таврики происходит накопление ираноязычного этнического населения, как позднескифского, так и сармато-аланского, которое становится основным оседло-земледельческим массивом в этой наиболее благодатной и плодородной части Крыма [Кузнецов 1992: 130–131]. До прихода готов в III в., аланы властвуют практически над всем Крымом.

²¹ Венецианская и генуэзская республики утвердили свое присутствие в восточно-европейском регионе через свои торговые колонии вдоль восточного побережья Крыма, в первую очередь Каффу, а также Тану в устье Дона. Эти города, по сути, стали западной оконечностью северного караванного пути из Китая через Волгу, в обход прежнего маршрута через перевалы Кавказа в Абхазию, безопасное функционирование которого обеспечивали цари Алании на протяжении нескольких веков. После же разорения Алании монголами, и особенно Тамерланом, северокавказский отрезок Великого шелкового пути через верховья Кубани, как, впрочем, и Дарьяльский проход, очевидно выпали из международных торговых маршрутов.

²² В 36-ой главе Шильтбергер замечает, что город Киркьер находится «в хорошей области, именуемой Готфией, но которую язычники называют Тат. Она заселена греческими христианами, и в ней производят хорошее вино».

После оттока гуннов из Паннонии в V в, часть их вторглась в Крым, что повлекло уход готского и скифо-сармато-аланского населения с равнин в горные районы в достаточно изолированные от степи районы юго-западной части полуострова и юго-восточного надгорья от Керчи до Судака [Кузнецов 1992: 132]. Видимо из-за смешения этих этнических групп данное варварское население юго-западного нагорья, с центром в Доросе-Мангупе, в источниках VI–IX вв. именуется не иначе, как готы. С VII в. Крым входит в сферу влияния Хазарского Каганата, но изменений в данном регионе полуострова не происходит, за исключением притока населения из более восточных районов Крыма. Одним из основных центров с аланским населением выступает нагорный «пещерный город» Кырк-Ер (крепость Чуфут-кале), где известны сармато-аланские погребения. В хазарское время здесь-же фиксируются два эпиграфических памятника VII–VIII вв. с древнееврейскими надгробными надписями содержащими имена «Моисея Алани, сына Иосифа Алани» и «Гошла Алани» [Кузнецов 1992: 136]. В этом стратегическом опорном пункте видят центр зарождающегося феодального княжества в юго-западном Крыму. Его основную зону интересов составлял прибрежный византийский г. Херсонес Таврический, защиту которого обеспечивала именно эта аланская группировка, в XIII в. епископ Феодор сообщает об «аланском селении неподалеку от Херсона» следующее: «Близ Херсона живут аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонесцев, словно некое ограждение и охрана города», этих алан он называет «малыми аланами», явно по сравнению с более мощным аланским массивом на Кавказе [Кузнецов 1992: 135].

Восточная часть Крымской Алании обеспечивала идентичную защиту густо населенной долины Алушта, от проникновения неприятеля через Ангарский перевал, видимо именно она упомянута в византийском церковном акте 419 от 1390 г. под наименованием «Алания» [Кузнецов 1992: 139].

К XVI в. последние остатки крымских алан были ассимилированы крымско-татарским населением, память о них сохранилась лишь в названии существовавшего в XIX в. крымско-татарского Асского джемата (общины), а также названиях селения Ас и урочищ Биюк-Асс, Кучук-Асс, Тенеш-Асс, Тереклы-Асс и Табулды-Асс, несомненно связанных с этнонимом алан-асов [Кузнецов 1992: 141].

И. Барбаро и гипотеза гото-аланского происхождения испанской Каталонии

Приведенными выше сведениями о крымских аланах И. Барбаро не ограничивается. В той же 51-ой главе, после лингвистического наблюдения

о языке готов, который является германским (*todesco*), автор продолжает свой рассказ о готах и аланах. «Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы (*Gothalani*). Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также как и черкесы» [Барбаро 1971: 131–132, 157].

Е. Ч. Скржинская обращает внимание на важную деталь из этого текста. «Слово «готаланы» дает основание предполагать, что в XV в. было в употреблении такое этническое название, причем исходившее, вероятно, от самих его носителей: ведь Барбаро пишет, что они сами себя так называют «*chiamose Gothalani*»» [Барбаро 1971: 181].

И действительно, еще один синхронный источник также указывает на смежное проживание готов и аланов в Крыму. Бургундский путешественник Бертрандон де ла Брокьер (1400–1459), перечисляя народы, живущие близ побережья Черного моря, кроме черкесов, зигов, аваров и мингрелов, упоминает также неких готланов (*Gothlans*), несомненно соответствующих готаланам Барбаро. Автор уточняет, что все они христиане и живут вокруг Большого моря, т.е. Черного моря (*habitans autour de la mer Maiour*), что также согласуется с данными И. Барбаро [Broquière 1892: 153]. Не исключая, что аналогичных источников может быть больше.

Имея в виду данные Барбаро о смежном проживании и даже едином этнониме, под которым было известно это население, состоявшее из готов и алан, можно предположить, что после монгольских завоеваний полуострова, более северное аланское население было вытеснено в горные части южного Крыма, где проживали готы, запустив процесс формирования нового этноса, готаланов, аналогично тому, как на Кавказе именно вытеснение предкавказских народов во внутренние горные территории в эпоху монгольской гегемонии в степях, в первую очередь алан и половцев, запустил начальный процесс формирования такого народа, как балкарцы и карачаевцы²³. Об этой ситуации в Крыму прямо говорит Ибн-ал-Асир: «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы...», аналогичная картина имела место быть и в других частях Крыма [Кузнецов 1992: 138].

²³ Весьма возможно, что если бы венгерские яссы и куманы, уходя от монгольских завоевателей, переселились бы в замкнутый анклав, а не в просторный степной ландшафт венгерского Альфёльда в двух независимых областях Ясшаг и Куншаг, то был бы запущен идентичный процесс формирования нового двухкомпонентного этноса *Jasz-kunok*.

Существует современная точка зрения, связывающая наименование испанской провинции Каталония с аланами. Первоначальная форма *Гот-Алания «Страна готов и алан», считается слиянием двух этнонимов. Данная гипотеза была высказана достаточно давно и встречается во многих испанских и каталонских книгах XVI–XIX вв., но восходит она по всей видимости к труду венецианского историка Флавия Бьонда (1388–1463), писавшего в конце седьмой книги «*De Roma triumphante*», что от имен готов и алан (*Gothi & Halani*) в северо-восточной Испании остался испорченный термин Готалани (*corrupto uocabulo Gothalani*) [Blondus 1559: 100]²⁴.

Идентичная ситуация действительно фиксируется, мы это уже видели выше в аутентичных исторических источниках, правда спустя тысячу лет и на другом полуострове. Как сообщение Иосафата Барбаро (1413–1494), так и Берtrandона де ла Брокьер (1400–1459) упоминают неких готаланов, потомков готов (*Gothi*) и алан (*Alani*), проживающих в Крыму, которые слившись в единый народ, «*ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами*» (*Gothalani*).

Но ведь сам Барбаро в своем труде имеет в виду именно крымских готаланов, не перенося данный этноним на каталонцев Испании, которых он упоминает в своем сочинении (*Cathelani*) в качестве пиратов, тем самым различая оба народа [Барбаро 1971: 127]. Каким образом он мог стать первоисточником подобной средневековой историко-этимологической гипотезы?

Все дело в том, что оба автора были не только венецианцами, но и современниками, по этой причине вполне возможно, что Флавий Бьондо был знаком с письмами, отчетами, либо с самой рукописью труда Иосафата Барбаро «Путешествие в Тану»²⁵, которые и могли натолкнуть историка на идею об аналогичном этногенетическом процессе смешения готов и аланов в позднеантичной Испании. Это допущение частично подкрепляется идентичной терминологией для обозначения данного этноса, оба автора употребляют этноним *Gothalani*: Барбаро в отношении крымского народа, Бьондо в отношении испанского.

С другой стороны, все же нельзя полностью исключать и саму возможность данной гипотезы, в силу наличия значительного аланского элемента в составе вестготского народа. Скорее всего, именно аланская груп-

²⁴ В другом труде тот же пассаж содержит термин Кателаны (*corrupto uocabulo cathelani*) [Blondus 1484: 126].

²⁵ Тем более это возможно, поскольку в начале книги И. Барбаро был представлен уникальный доклад по раскопкам кургана Контепе, что имея в виду большой интерес Ф. Бьондо к древностям должно было привлечь его внимание к данной книге, ведь именно Бьондо считают одним из первых современных археологов.

пировка, занимающая степи Северного Причерноморья, особенно та, которая находилась в Днестровско-Дунайском междуречье в догуннский период (до IV в.), имела наиболее тесные связи с вестготами, появившимися в Северном Причерноморье в III в. Именно эти аланы и могли уйти с вестготами на запад при давлении на них со стороны восточных соседей с началом гуннского времени [Кузнецов 1992: 123–127]. Ведь именно с вестготами аланы предпринимали свои первые совместные военные предприятия на территории поздней Римской Империи. Такой союзнический симбиоз несомненно повлек смежные браки и запустил процессы частичной ассимиляции алан в среде более многочисленных готов. Наиболее известными примерами подобного происхождения являются римский император Максимин I Фракиец и хронист готской истории Иордан, оба готы по отцу и аланы по матери.

Как сообщают Григорий Турский, продолжение хроники Проспера Аквитанского и тот же Иордан, в 453 г., спустя два года после битвы при Каталаунских полях (*in campis Catalaunicis*)²⁶, готы под предводительством их нового короля Торисмуда нанесли военное поражение и подчинили себе один из крупных аланских контингентов Галлии [Алемань 2003: 175, 182, 191, 193, 564]. Сам А. Алемань полагает, что речь идет о контингенте аланов короля Сангибана, расположенного в Орлеане (*Alanorum partem, trans flumen Ligeris considentem*) и участвовавшего в ожесточенной битве на Каталаунских полях [Алемань 2003: 176].

Аналогичная ситуация, надо полагать, имела место и в Испании после поражения лузитанских алан короля Аддака, одна их часть в 418 г., вероятно та, которая заселяла земли северной Лузитании, попала под власть королей вандалов-асдингов Галеции, которые сохранили этническое название алан в двуэтническом королевском титуле, *Rex vandalarum et alanorum* [см. Алемань 2003: 418]²⁷. Другая часть алан несомненно попала в зависимость от вестготов и скорее всего была выведена из южной Лузитании и Карфагеники в подконтрольные Риму или готам территории, к примеру, в ту же Тарраконскую, в историческую территорию которой входит Каталония. Факт наличия пленных алан после испанской кампании Валии отражен на аллегорических изображениях консульского триптиха Констанция III, основного зачинщика разгрома алан и вандалов Испании.

²⁶ Иногда, для решения проблемы этимологии названия Каталонии привлекается созвучный топоним «Каталаунские поля», на которых коалиция римлян, готов и алан одержала решающую победу над гуннами Аттилы в 451 г. Тем не менее, его следует связывать с термином *catalauni*, этнонимом одного из кельтских племен Галлии, населяющего ту территорию задолго до Великого переселения народов.

²⁷ Двухкомпонентного этнонима, *вандаланы, в отличие от готского варианта готаланы, источники не упоминают.

Что же касается топонимического материала, то как к северу, так и к юго-западу от Каталонии встречаются некоторые предположительно аланские топонимы, *Alenya* близ Перпиньян, оронимы, содержащие элемент *Alano* близ Уэски, а также ряд аналогичных названий в Пиренеях.

Стало быть вполне допустимо, что на территории Каталонии рубежа V–IV вв. действительно могло проживать смежное гото-аланское население, позже давшее название этому региону. Не секрет, что ряд современных названий целых областей и даже стран отражают этнонимию осевших либо проживающих там длительное время позднеантичных «варварских» народов, примеров достаточно: Силезия от имени вандалов силингов, Бургундия от бургундов, Ломбардия от лонгобардов, Франция от франков, Англия от англов, Саксония от саксов, Алемания (название Германии по-испански) от Аламанов, Андалусия от вандалов и т. д. То же самое можно сказать о двухкомпонентных этнонимах, примеров которых более чем достаточно: аланорсы, утидорсы, тавроскифы, кельтиберы и пр. Вполне допустимо, учитывая все вышеприведенные данные, в первую очередь крымские аналогии, что Каталония действительно отражает этнонимы готов и алан, правда в какой период данный топоним возник, это уже совершенно другой вопрос.

Совершенно точно лишь одно: проблема более чем тысячелетних взаимоотношений готов и алан заслуживает специального, обстоятельного и разностороннего научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Алемань Агусти. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., «Менеджер», 2003.

Аннинский С. А. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо. Исторический архив. — Москва-Ленинград: издательство АН СССР, 1940. — Т. III. — С. 305–388.

Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступит. статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Л., «Наука», 1971.

Книга странствий. Пер с лат. и ст.-фр., сост., статьи и ком. Н. Горелова. — СПб.: Азбука-классика, 2006.

Криштоп А. Е. Сведения западноевропейских путешественников XV века о Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений, Вып. I. Дагестанский ГУ им. В. И. Ленина. 1970.

Кузнецов В. А., Очерки истории алан, 2-е изд. допол. Владикавказ, Ир, 1992.

Зайцев И. В. Образование Крымского ханства. // История татар с древнейших времен в семи томах, т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв., Казань, 2014.

Сланов А. А. Аланы в Крыму // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. № 2, 2016.

Flavius Blondus, *Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii decades*. Venetiis: Octavianus Scotus, 1483

Flavius Blondus, *De Roma triumphante* Basilea: Frobenius & Episcopus, 1559.

Broquière 1892 — *Le voyage d'outremer de Bertrandon de La Broquière, premier écuyer tranchant et conseiller de Philippe le Bon, duc de Bourgogne* / publ. et annot. par Ch. Schefer. Ed. E. Leroux. Paris. 1892.

Martin da Canal 1845 — *La "Cronique des Veniciens" de Maistre Martin da Canal*.

A cura di Filippo Luigi Polidori // *Archivio Storico Italiano*. — Tomo VIII. — Firenze, 1845.

REFERENCES

Aleman' Agusti. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh*. M., «Menedzher», 2003.

Anninskii S. A. *Rassuzhdenie o delakh Moskovii Franchesko T'epolo*. *Istoricheskii arkhiv*. Moskva-Leningrad: izdatel'stvo AN SSSR, 1940. T.III. pp. 305–388.

Barbaro i Kontarini o Rossii. *K istorii italo-russkikh svyazei v XV v. Vstupit. stat'ia, podgotovka teksta, perevod i kommentarii* E. CH. Skrzhinskoi. L., «Nauka», 1971.

Kniga stranstvii. Per s lat. i st.-fr., sost., stat'i i kom. N. Gorelova. — Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2006.

Krishtop A. E. *Svedeniia zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov XV veka o Dagestane // Voprosy istorii i etnografii Dagestana. Sbornik nauchnykh soobshchenii, Vyp. I. Dagestanskii GU im. V. I. Lenina*. 1970.

Kuznetsov V. A., *Ocherki istorii alan*, 2-e izd. dopol. Vladikavkaz, Ir, 1992.

Zaitsev I. V. *Obrazovanie Krymskogo khanstva. // Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh, t. IV. Tatarskie gosudarstva XV-XVIII vv., Kazan', 2014.*